

Александр Катков

Родился 27 июня 1950 года в казачьем хуторе Зайцево Ставропольского края. Учился в Пятигорском институте иностранных языков. Продолжил учебу в университете имени К. Маркса в г. Лейпциге (Германия). Защитил дипломную работу на факультете германистики. Служил в ракетных войсках в Прибалтике (г. Таураге). Работал переводчиком, преподавал немецкий язык в ВУЗах г. Кемерово. Автор поэтических книг «Синие ставни», «Чаша», «Ветер славянства», «Путь на Итаку», «Сирень», «Россия, моя Бергения». Член Союза писателей России с 1992 года.

Стихотворения

Вина

Александр Катков

Александр Катков

Вина

Стихотворения

**Александр
КАТКОВ**

ВИНА

Стихотворения

Нине Михайловне,
дочери замечательного
Поэта
Михаила Меботатова,
подвижнице и родительнице -
с любовью!

Офсет
2016

Ал. Катков
5 окт. 2016г

ББК 84.3Р7

К 29

Катков А.

К 29 Вина: стихотворения / А. Катков. -- Кемерово:
ООО «Офсет». 2016. – 211 с.

ISBN 978-5-9908276-0-8

ББК 84.3Р7

ISBN 978-5-9908276-0-8

© Катков А., 2016
© ООО «Офсет», 2016

Вина

Поменяю известные строки поэта на эти:
«Мы живём за собой не чуя вины...»

Однажды, под утро или в гремящем поезде, или на красшке судьбы вдруг наступит тебя, подступит к сердцу мысль неизбежная и горькая, как наказание.

И жизнь твоя начнёт раскручивать киноленту памяти, и проявятся все те, кого ты любил когда-то, да не долюбил и предал, те, которые не долюбили и предали тебя. И чья вина больше, и какая разница – ведь крест достался тебе одному.

А есть ещё повинные слова за маму и родину, которые ты не сказал по лености душевной, по надежде, что всё ещё скажется и оправдается.

Но не скажется, и не будет оправдание твоему легкомыслию, надежде на то, что всё ещё будет.

Не будет ничего, кроме потерянного, разбазаренного, утерянного восприятия жизни. Утешением станет одно: «Повинную голову меч не сечёт». А если да?

Тогда, впереди, на раскалённом от зноя казачьем просёлке, увидишь маму свою, просто-волосую, в полинявшем платке. Она держит за руку мальчонку. И это, конечно, ты.

Александр КАТКОВ

ВИНА

Дверь открыть: одинаково—разные,
Богохульные, безобразные.

Посреди распятой страны,
Знать, не чуют своей вины.

Но одна пред Россией вина
У Распутина и Шукшина,

У Свиридова и Глазунова,
Потому—то снова и снова

На вселенском кресте распятая
Ни кровиночкой не виноватая

Вопрошает и ноцно и днесь:
«Что вы сделали, я же здесь...».

Вот и я, к небесам вопрошаю,
Не прощаю себя, не прощаю...

Поэта уже не бывает
Без этой вселенской вины,
Без проклятой адом и раем,
Любимой, пропавшей страны.

Никто в этом мире печальном
О родине дорогой
И горше, исповедальней
Не выдохнет, кроме него.

БЕРЕГИНЯ

Когда княжна Ярославна
Рыдала по нем — не по мне,
Я пал вместе с ним, но прославил
Женщину на стене,

Рыдавшую, мир отринув,
Руки свои заломив.
Она была Берегиней,
А что для нее был мир?

А позже, когда уж мало
Останется дней, пойму —
Родина есть и мама,
И я не уйду во тьму.

А женщина, что Богиней
Меня в свой дом привела?
Весталкою, Берегиней
Недолго, да побыла.

Что бы там ни было — ладно!
Пока есть родная речь,
Я с этой бедою слажу —
Было б кому беречь.

Я не из тех, кто бранили,
Смешав и хулу, и лесть.
Россия,
 моя Берегиня,
Спасибо за то, что ты есть.

* * *

Разрушилась страна,
А я остался цел.
Меня они не взяли на прицел.

Но я с тех пор живу на той войне
С разрушенной страной наедине.

Я до сих пор кричу до немоты:
«Ужель была неправедною ты?»

Ужели ты, пропавшая страна,
Была так непригожа и срамна?

Ну почему тебя не заслонил,
Да с чем я жил, да где я раньше был?».

Я просыпаюсь, до утра курю,
В сырую тьму печально говорю:
«Любимая моя, подай же весть!»
И мне с небес доносится:
«Я здесь...».

* * *

Проживаем в годы позора,
Выживаем и мерзнем во мгле
Средь разрухи,
 раздора,
 разора,
Средь бутылок на нищем столе.

Все-то кажется —
 где же надега
На Россию, на нас, на меня?
И откуда прискачет подмога,
Стременами надежды звеня?

Ах, как матушка приболела!
Вкривь и вкось дороги ушли
От ее болезного тела,
От бессмертной ее души...

Что ж, поплачем.
 А дальше?
 А дальше?

Как надеяться я хочу:
Наши дети —
 Иванушки, Даши —
На ветру не погасят свечу.

* * *

*Виа Долороза —
дорога слез и скорби
Христа на Голгофу*

Не все пройдем по Виа Долороза,
Не каждый донесет свой крест,
Не каждый через пот, глотая слезы,
Оглянется на предавших окрест,

Что б там, уже на дыбе пригвожденным,
Сказать у Гефсиманского огня:
«Я был для вас, неправедно рожденных,
А вы еще не поняли меня».

А мы бредем с расплесканною Чашей,
Не подымая виноватых глаз.
И ангелы, хранительники наши,
Все смотрят с укоризною на нас.

* * *

Немой — не расскажет,
 глухой — не услышит,
И зрячий, ослепший на самом краю, —
Никто не поведает нам о Всевышнем,
Который заждался в аду и в раю.

Как хочется нам убежать от расплаты
И пасть на колени пред ликом Его.
Да, я виноват,
 да, мы все виноваты,
А, впрочем, не должен никто ничего —

Ни этой, поруганной нами, отчизне,
Ни слезке из детских, распахнутых глаз.
Но ты привыкай там, Всевышний,
 на тризне,
Еще мы увидим друг друга не раз.

* * *

Поэту В. Баянову

У обочины разговора
Постою, помолчу, погрузу.
Посреди и гульбы, и раздора
Я себе не такое прощу.

Как хотелось когда-то допеться,
Докричать, домолить, досказать,
Наглядеться и засмотреться
В удивительные глаза.

Не хочу быть витией в России,
Не поэт я уже, не поэт.
Зауросили, заголосили
Так паскудно, что моченьки нет.

Ничего, это время такое...
Боже мой, пусть утихнет гроза,
Дай потом, как с гульбы, с перепоя
Встать — и главное слово сказать.

* * *

Любите меня, покуда я жив,
А после веселые песни затейте,
Но все же чуть-чуть вы меня пожалейте
За этот знобящий и нежный мотив.

Еще пожалейте женщину эту,
С которой я бедовал, горевал,
Но как потом случилось — на горестном свете —
Такой беззаветной я не видал.

Пусть годы остались в чернильной золе,
Приходит зима и грохочут составы,
И что бы там ни было — здесь на земле —
Не будете правы, конечно, не правы.

* * *

Глеба Агеева недоубили.
Смотрит мальчонка с телеэкрана.
Как эти нелюди не догубили!
Вот она наша смертельная рана.

Я не могу уже больше смотреть
Дважды и трижды в бесовскость экрана.
Как обошла его страшная смерть
От равнодушия и обмана?

Что ж ты отводишь взгляд свой, поэт,
Кто за мальчонку однажды ответит?
И неужель справедливости нет
В этом извечно несправедном свете?

Но получается — в срамных годах —
Средь воспеванья ромашек, березок
Эта такая недетская слезка
Нам не зачтется уже никогда?

Значит, замрешь на сиротском крыльце,
Средь болтовни и всеми забытый.
Глебушка, мальчик недоубитый
С кровоподтеками на лице.

ПОГРАНИЧНОМУ ПСУ

(граница России — Казахстан, 2009 г.)

По вагонам проходишь, как свой,
Поводок натянут упруго.
Не надейся, мой дорогой,
Никогда не полюбим друг друга.

Понимать — работа твоя,
С твоим нюхом и вздыбленной шерстью,
Никогда не обнимемся вместе,
У меня своя колея,

По которой мой поезд пойдет
Дальше, дальше на родину к маме.
Ничего у тебя не пройдет,
Ты не прядай своими ушами.

Если б знал ты, как жил я в грозу,
Потому не страшны мне угрозы.
На могилу мамину слезы
Контрабандой я провезу.

ПАМЯТИ МАМЫ

Единственный на всей планете
Я ехал маму хоронить,
И в призрачном, прозрачном свете
Дрожала тоненькая нить.

Под толщей черной снеговой,
В продутом тамбуре насквозь,
Хотел застать ее живую,
Испить родник прощальных слез.

Сибирью, а потом Уралом,
Мчал поезд, рельсами звеня,
Туда, где мама умирала,
Напрасно ждущая меня.

Она застыла, успокоясь...
Ты, Боже, все поведал ей —
Про опоздавший этот поезд,
О горькой памяти моей.

Здесь, не смирившийся с утратой,
Харон готовит свой извоз
Туда, где я лицо упрятал
В подушку, мокрую от слез.

* * *

*«Берусь по утрам
звать Русь к топору!»*

А. Вознесенский

Это я снова там, где роса у крыльца,
Где шершавою пяткой ступенек коснулся.
Ах, как жарок июнь, эта жизнь без конца,
Я еще до сих пор на земле не проснулся.

День такой впереди! Сенокос и река,
И озябшие губы от кринки с протоки.
Даль моя с косогора так высока,
Жаворонок мой в небе тоже высокий!

И под вечер в деревню пойдут мужики,
Да в рубахах своих с просыхающей солью.
Как под небом у них свои души легки
На покосе июльском, духмяном, привольном!

А потом по дворам, до вечерней поры,
Как и в прошлую пятницу, снова и снова
«Тюк — да тюк» над полешками топоры —
Это значит, что снова баньки готовы.

Ничего, это нам уже стало с руки
Привыкать, чтобы снова средь мора и глада —
Наши русичи, ратники, мужики
Нашу родину справно наладят.

* * *

Ад кроменшый, и все же — Россия.
Безнадега уже, беспредел.
Словно целый народ обессилев,
К Богу руки в надежде воздел.

Дверь откроешь — пророки, кликуши,
Медный звон пятаков, пятаков...
И не слышат оглохшие уши
Плач вселенский ее стариков.

Все разрушено, пропито, продано,
Ничего не осталось в душе.
Даже родина, малая родина,
Без присмотра осталась уже.

Где же слезы любви и прощенья?
Впрочем, лучше опять и опять
В ожидании причащенья
В винной очереди отстоять.

Чем прогневали Бога? Не знаем.
Впрочем, знаем и глухо молчим.
Потому и не с нами, не с нами
Пропадает Россия в ночи.

Сколько ж можно, Всевышний, доколе?
То ли к сердцу приставить обрез,
То ли выйти в продутое поле
И прощенья просить у небес.

* * *

Это мы, Господи, ненавидящие друг друга,
Навесившие на грудь православный крест.
Почему мы не умерли,

оцепенев от испуга,
Узрев содеянное в себе и окрест?

Это мы, стоящие в очередях за водкой,
Ожидающие голода

и гражданской войны,
Падающие в пучину
каждый в своей подлючке,
Что б отлежаться поглубже
от этой штормящей страны.

Ты отрекся от нас, отмывая от кофоти,
Лишая разума и Всевышней любви.
И выдохнуть некому:

«Это мы, Господи,
Тобою забытые,
грешные дети Твои!..»

* * *

Как стыдно мимо нищих проходить,
Когда ты сам уже почти что нищий,
И пустота вселенская в груди,
И тишина, как будто на кладбище.

Как стыдно за тебя, моя страна,
Когда тебя раздели до бесстыдства,
И ты, как девка падшая, срамна,
На снежных простынях забыто стынень.

Но стыд пред Богом — он уже не стыд.
И верую, в надежде на прощенье,
Что праздничною скатертью накрыт
Наш стол для праздника и воскресенья.

* * *

Одна Россия пашет,
Другая пьет и пляшет.

Спаси нас от позора
Содома и Гоморры,
Прошу, избави Боже
От тех, кто нам не гожий.

А там и мы воспрянем
И этот горький пряник

Заменим черным хлебом,
Россией, Богом, Небом...

* * *

А. Иленко

Поэт исповедален – потому Поэт.
И нет уже такой беды печальней,
Чем родины его многострадальной
Прощальный, негасимый свет.

Поэт – он виноват во всем,
Среди разрухи, горестных открытий,
И жизнь его летит за окном
В последний раз,
по Божьему наитью.

Поэт виновен в том,
что он Поэт,
Что разговаривал и с Господом, и с небом.
И та страна, которой больше нет,
Как саваном, его укроет снегом.

* * *

Русь моя колокольная,
Изначальная, величальная,
До безумия, до отчаянья,
До восторга и до прощания,

До прозрения, до призрения
Душ сиротских, заблудших, твоих,
На коленях стоящих, смиренных,
Ты прости стихию и стих.

Мы пригожие, мы приладные
До погоста, до слез, до кровей.
И церквушка светит, как ладанка,
На моей груди и твоей.

* * *

Как прожить в этом мире без горя и грусти,
Как по миру пройти с равнодушным лицом?
Если книгу издам — назову «Захолустье»,
Пусть узнают, как мама бедует с отцом.

Пусть любимая знает, как вместе бедуем.
Сколько снега и горя в окно нанесло!..
Только дочка уснет, только свечку задует —
Снова в двери стучатся нахально и зло.

Это время стучит, это мой участковый.
Поневоле идешь ему открывать.
Он вручает повестку поэту Каткову,
Что б жилплощадь под солнцем
не смел занимать.

* * *

Это я, моя отчизна,
Где бранятся, утром пьют,
Маются о смысле жизни
И без спроса в морду бьют.

Я люблю твои надежды
На мирскую благодать,
Твои нищие одежды,
Те, в которых умирать.

Не люблю твоих холопов,
Лижущих ладонь твою.
Бог им всем судья, но только б
Ты не встала на краю.

Я один путем овражным
Потащусь, судьбу гробя,
Потому что очень страшно
Мне, Россия, за тебя.

* * *

Полстраны в камуфляже,
Полстраны в неглиже.
Перед Родиной нашей
Нам не стыдно уже,

Перед русской иконою,
Скорбью праведных глаз,
Где молитвы, поклоны
Напоказ, напоказ,

Той, которую присно
Никому не отдать,
Словно нашу отчизну
И болзную мать.

Средь гульбы и позора
Мы не прячем глаза.
С молчаливым укором
Нас зовут небеса.

* * *

Россия не во мгле — в очередях,
Не разобрать, где глушь, а где столица.
И осеняет кумачовый стяг
Моих сограждан сумрачные лица.

Россия, Русь, ну как тебя постичь?
Ужель залиться горечью и водкой,
Что б уж тогда сумели нас постричь
Одной гребенкой под одну колодку?

На всех ветрах стоишь, моя страна,
Дай Бог прожить и передюжить Смуту,
Что б стыд и горечь исчерпав до дна,
Отринуть их в последнюю минуту.

А там, дай Бог, окончится злоба
И мы, свои неслыханные боли,
Стирая с окровавленного лба,
Придем друг к другу с верой и любовью.

ПОЕЗД

Неумолимо, как виденье,
Он расписание соблюдал.
В нем кто-то спал и видел деньги,
А кто-то плакал и не спал.

И каждый с Богом в несогласье
Молился Богу напоказ.
И было чинно в первом классе,
Буянил пьяно третий класс.

А поезд был без машиниста
И это знал любой вагон,
Но под захлеб литавров быстрых,
Чугунно-бравурный разгон.

В купе-квартирах распивали
Привычно водку и вино,
И злые песни распевали,
И было людям все равно.

* * *

Двух разгневанных рек слиянье,
Лютой ненависти и любви.
Где татары и где славяне?
Своих мать и отца назови.

И припомни века такие,
Когда срезав веревкой стон,
Анастасью и Евдокию
Забирали с собой в полон.

Вот и вдумайся, чьи доселе
Были острые скулы твои
И на чем проросло твое семя —
На крови или на любви?

Да, в том времени, как в постромки,
Все сцепилось и все слилось.

Да, мы русичи, мы — потомки
Конских ржаний,
пожаров
и слез.

Но потомки Андрея Рублева,
Не распятых вовек русаков,
Для того, что бы снова и снова
Рвать сердца из постылых оков.

Да, действительно, рек слиянье,
Да, Настасья с искусанным ртом.
Я за вас, родные славяне,
Встану с правдой и со щитом.

* * *

Какая горечь — постоять
У кромки поля и разлуки
И, замерев, не простираться
К простору зябнущие руки.

Над полем свист! И дрожь берет...
Какие ветры над полями!
И не понять — который год
В календаре отмечен нами.

Людским страданьям нет конца
И нет пришествия второго.
Но наши русские сердца
Вместили поле Куликово,

Полтаву и Бородино,
И Поле, ставшее безвестным.
Но в каждом сердце все равно
Для поля оставалось место.

А времена смертоубийств
Не канули, однако, в Лету.
И холодящий душу свист
Напоминает мне об этом.

* * *

Я ночью выломлю фрамугу
И закричу за рубежи
Уже единственному другу:
«Мой крест тяжелый поддержи!».

Наверное, мы что-то значим,
А коли так, над смертным рвом
По нашей родине поплачем,
Стирая слезы рукавом.

Ах, как мы раньше голосили,
И ни о ком, и ни о чем...

Россия,

девочка,

Россия,

Прижмись и ты своим плечом.

И мы озябшими руками
Поднимем, донесем свой крест
Под грозowymi облаками
До дальних мест,
До горних мест...

НОЧЬЮ НА РОДИНЕ

В окнах свет серебристо-серый —
Телевизоры включены.
Смотрит хутор вторую серию,
Все гармони обречены.

Выйду в сад. Свет луны неистов,
Он багряный и золотой.
В освещенных упругих листьях
Ветер плещется молодой.

Это ж надо — так много света!
Проливается он и дрожит,
Хоть читай деревьям газету
Или письма любимой пиши.

И во дворике тени четкие
От колодца и от бадьи.
Цепь, свисая с бадьи, как четки,
Оттеньяет колечки свои.

Вот какое на свете место,
Что другие где-то края?!
Не проездом я, не проездом.
Это родина здесь моя.

* * *

Брату Виктору

Я никакой – не преданный, не проданный,
Не прирученный теми, наконец.
Я просто не добравшийся до родины,
Где на кладбище мама и отец,

Где на меня глядят из-под руки
Мои сородичи с их неизбывной думой.
Там, где живу, и где еще не умер
На берегу единственной реки,

Которая впадает в детство,
В распахнутость безбрежную мою.
И слышу я, как замирает сердце
На выдохе, у жизни на краю.

* * *

Самолет выпускает шасси.
Вот и все. Я на родине снова.
В эту даль изо всех моих сил
Рвался я ради звонкого слова,

Соловьиного слова любви,
Пониманья, прозренья и муки.
И Судьбу, словно Спас-на-Крови,
Я построил ценою разлуки.

Кто меня над землею носил –
Дух вселенского зла или гений?
И судьба, выпуская шасси,
Даровала у края мгновенье.

Но теперь — торможенье колес
По траве между плит и бетона.
Не хватает дыханья и слез...
Вот и все. Я на родине. Дома.

* * *

Прямо в сад выбегали ступени,
Было их ровно пять у крыльца.
И под запах дождя и сирени
Я разбужен был песнью скворца.

В ожиданье восторга и счастья,
Доверяя скворцу,

наугад

Окна – настезь и сердце – настезь,

Пять

шагов,

пять

ступенек

и — в сад!

А в саду в деревьях ликование!
Горлопан, менестрель, этот снец,
В полуобморочном состоянье
Заходилась от счастья скворец!

И прохладу июньского сада,
Ощущая кожей всей,
Я бежал до дальней ограды,
С головы и до пяток в росе.

И представьте, мне было так трудно,
Что бессмертья и вечности нет.

Просто было июньское утро

И мне было одиннадцать лет.

* * *

Жизнь моя — та же, и голос мой — тот же,
Так же любим и отчизной храним.
Но с каждым годом все тоньше и тоньше
Светлая ниточка с детством моим.

Неужто мама с отцом исчезнут?!
Сердце, храни теплый свет их седин!
Много ли проку будет от песен,
Если на свете останусь один?!

Что мне до жизни: «Выйдет — невыйдет?»,
Что мне веселая слава потом?
Я больше смерти страшусь увидеть
Заколоченным
Отчий
Дом.

* * *

Ночами незваных бессониц
В протяжной, как зов, тишине
Звездою, упавшей в колодец,
Горит моя лампа в окне.

А где-то, за тысячу далей,
Есть дом самых чистых сердец.
В нем так натрудились, устали,
Заснувшие мать и отец.

Там ночь навалилась на крышу
И нет ни звезды, ни огня.
Я sny их отчетливо вижу,
В которых жалеют меня.

Родители, руки России!..
Стихи мои, с вами зачем,
Как с писаной торбой носился,
А им не помог я ничем?

Пока я выматывал жилы,
Про землю родную трубил,
Они на земле этой жили,
Ни сил не жалея, ни жил.

Так вот она — память. И совесть.
И, значит, все верно со мной.
И нет справедливей бессониц,
Чем те, что стоят за спиной.

* * *

Где это время? Никто не ответит,
Все проросло чабрецом и бельем.
Но просыпаюсь опять семилетним:
В комнате глаженным пахнет бельем.

И задыхаюсь от слез: неужели
Снова июнь, мое детство и дом,
Запах белья и хрустальные трели
Птаха развесила за окном?

Нет ничего, кроме этого пенья
И подоконника в каплях росы.
Как далеко еще до ослепленья
От незаслуженной взрослой слезы!

Не доведи до чернейшего сраму,
Жизнь моя, если в начале твоём
Так еще чисто, песенно, рано,
Если поглаженным пахнет бельем.

Было и будет бессониц немало —
Пусть в изголовье незримо стоят
Юный отец в гимнастерке линиялой
И кареглазая мама моя.

* * *

На безымянных полустанках,
В столицах нескольких держав
Во мне светло и неустанно
Мой голос бился и дрожал.

Но из моей бездомной жизни
Доплыть никак не мог паром
Туда, где милая отчизна
Вместилась вся в родимый дом.

Я так боялся, что исчезну,
Что затеряюсь на пиру,
И мои трепетные песни
Со мной, исчезнувшим, умрут.

А мать с отцом к калитке выйдут
И вздох послышится из тьмы:
«Ну, что-то нашего не видно...
Хотя б вернулся до зимы...».

* * *

Были бы живы мать и отец.
Все остальное потом образуется,
Где-нибудь, как-нибудь
да образумится —

Женщина,
жизнь,
строка наконец!

Сердце мое, все в неясном «потом»
Мы с тобой вынесем,
вытерпим,
выдюжим,
Лишь бы нам знать, что не брошен,
не выстужен
Солнцем прогретый родительский дом.

ОТЦУ

Я проснусь — это яблоки сыплют со стуком
За пять тыщ километров в отцовском саду.
И не спится отцу. Что за сладкая мука
Ждать мою, запоздавшую к ночи, звезду.

Ах, отец, здесь и там сентябри на исходе,
Там и здесь обнажаются рожи берез.
И в какой-то разгульной, безумной свободе
Ветер красные листья пивыряет вразброс.

Не печалься, отец, не теряй в меня веры!
Люди правду рекут — я неправедно жил.
Но себя раздарил я, наверно, без меры
И любимым я был, и обманутым был.

Видно, сплетни и ветры хлестали недаром,
Только как же иначе отчизну любить?
Но почудится вдруг — я такой уже старый,
Что не хватит двух жизней разматывать нить.

А то вдруг — молодым над огромной страной
Я лечу, накрепкаясь на большое крыло.
И четыре утра. И восход предо мною,
Так, что кажется — сердце от счастья свело.

До свиданья, печаль и морока бессониц,
Жизнь, былая уже, черновик на столе.
Я лечу на восход. Наша правда и совесть
Еще есть на земле. Еще есть на земле.

* * *

Где же мел и та доска —
«МА-МА МОЕТ РАМУ».
Боже, смертная тоска —
МАМА МОЕТ РАНУ.

Мама, как тебе помочь,
Что еще придумать?
В эту жизнь и в эту ночь
Сыновей придунуть,

Одуванчиков своих
Возвернуть обратно,
Хоть на радость, хоть на миг,
Витьку, Саньку — братьев...

Самолет, а в нем ни зги,
В этом черном свете.
«Если сможешь, сбереги
Непутевых этих...».

МАМА

Самолетом пять тыщ километров,
Потом автобусом три часа,
Потом — из объятий дурманного лета —
К маминым милым глазам!

И позабыв все слова приветные,
Приготовленные слова,
Выдохнуть: «Моя добрая... светлая...
... Жива...»

ДОМА

Ночь какая! Нет спасенья
В предрассветный звездный час!
Словно новым свежим зреньем
Я увидел в первый раз:

Это детство в небе светится
И, ликуя высоко,
Из ковша Большой Медведицы
Пьет парное молоко.

СТАРИКИ

Все глуше, все короче
Их горести и дни.
Но не случайно ночью
Проснутся вдруг они,

Чтоб, больше от испуга
И меньше от причуды,
К дыханию друг друга
Прислушиваться чутко.

* * *

Я ставни опять не запру на крючок
И лампу гореть до рассвета оставлю.
Пусть знает в траве безумный сверчок,
Что он не один распевает за ставней.

В такие-то ночи неслыханный грех
В любви не признаться всему мирозданию.
Давай же, сверчок, поликуем за тех,
Кого обнимают за крашенной ставней.

Признание наше — цикады и стих,
Спасение наше — рассвет и усталость.
Мы только потом пожалеем других
За то, что такая им ночь не досталась.

* * *

Еще не весна, но карнизы набухли
К застрехам отчизны, горласт и обуглен,
И скоро мой птах припадет, как к груди,
Тропическим солнцем, отставшим в пути.

И небо предстанет, как прежде — бездонным,
И будет сквозь сон различать нелегко:
Капель распевает, иль в мамин подойник
Упруго сбегается молоко.

ПУТЬ НА ИТАКУ

Пусть обнажится жизни горчайшая суть.
Но чтоб в бессилье от этой беды не заплакать,
Я вспоминаю тогда, что есть непотерянный путь
По сломанной жизни, по памяти — путь на Итаку.

На черный мой день я его для себя приберег,
На черный мой день для грянувшей однажды печали.
И сколько обманных пройти не придется дорог,
Мой путь на Итаку кончается в раннем начале...

Я жизнь полюбил не за праздник премьерных кулис
И не разлюблю за случайность и краткость явленья.
Я суетно жил и пусть сбиты до крови колени,
Но путь на Итаку всегда выбирает Улисс.

Тот путь к тополям на осенний багряный пожар,
По листьям сгоревшим — в распахнутость гулкого дома,
К тропинке средь трав, по которой мальчонкой бежал
К смеющейся маме, в ее молодые ладони.

И небо мое никогда не померкнет окрест,
Не сгинет душа в безысходности боли и мрака,
Пока я живу на земле и пока на ней есть
Мой путь на Итаку, спасительный путь на Итаку.

* * *

Это родина — синие ставни,
Это родина — ивы внаклон,
Над которыми сирыми стаями
Птицы тянутся в небосклон.

Было вдоволь и песен, и хлеба,
Жизнь взалел и беда по плечу.
Но под этим единственным небом
Я от родины мало хочу.

Я хочу, чтоб земля не скудела,
От которой и песня, и хлеб,
Чтобы, делая нужное дело,
Не оглох я и не ослеп.

Я хочу, чтоб река не мелела,
Чтоб пьянил и дурманил чабрец,
Чтобы мама моя не болела
И чтоб сильным остался отец.

* * *

А в этом доме пахнет отчим домом
И карта пожелтевшая висит.
Здесь кратки дни и так прощанья долги,
Да так, что замерли полночные часы.

Я вас храню! Любимые до смерти,
До самой невозвратной темноты,
Родители, пожалуйста, не смейте
Со смертью разговаривать на «ты».

И так уже прощаний вышло столько,
Что в тамбурах, ходящих ходуном,
От Лейпцига и до Владивостока
Я забывал и родину, и дом.

Когда-нибудь на этом свете белом
Зачтутся мне мои стихи и стыд.
И я в своем стремлении очумелом
Вам так скажу, наплакавшись навзрыд:

«Но, может быть, божественная Муза
Меня вернет на родину, домой,
Туда, где спал под картою Союза,
Где не был обозначен хутор мой».

* * *

В бесплацкартном, а проще — в безместном,
Днем и ночью — куда захочу,
Это я — молодым и безвестным —
По дорогам России лечу.

Вот лечу девятнадцатилетним,
Так, что сразу теряется след,
Синяков еще нет и отметин,
Искры божьей — и той еще нет.

Я лечу по дорогам отчизны,
А еще и нерусские ждут.
И российские ветлы из жизни
Ни на год, ни на два пропадут.

Я не верю ни в черта, ни в Бога,
Верю в праздничность бытия.
Но каким неожиданным боком
Повернется планида моя!

Ах, как горько и непрестанно
Вспоминаться будет потом
Промелькнувшая на полустанке
Чья-то девушка с желтым флажком.

Но вернусь, наглотавшись пространства
И оглохнув от стука колес.
Дым отечества, ветер славянства
Мои щеки осушат от слез.

* * *

Бесплацкартной судьбою вполне
Был доволен я и в безрассудстве
Неосознанно верилось мне:
В этом жизни простое искусство.

Я любимых терял в суете
И мой поезд летел над равниной
К близкой той, неизбежной черте,
Где становится сердце ранимым.

Ощущенье полета прошло.
И теперь повторится едва ли,
Чтобы ветром висок обожгло,
Чтоб мои поезда грохотали.

Их огни промелькнули, прошли
Мимо зыбких и призрачных станций,
Словно жизнь отгорела вдали,
Только дым горьковатый остался.

ВИНОГРАДНЫЙ СЕНТЯБРЬ НА РОДИНЕ

Уже в садах отяжелели гроздья
И пусть пока все кадки кверху дном,
Но скоро Бахус не замедлит в гости
Раскачивать на прочность каждый дом.

Здесь русский дух, здесь снова пахнет Русью.
И коль не пьян, так скоро будешь пьян.
И слушаю я с горечью и грустью
Сородичей, моих хмельных славян.

Я тоже пел, но брал другие темы,
Я видел, что и так, навеселе,
Решаются глобальные проблемы
О совести и правде на земле.

И знал тогда, что под хмельную бражку
По-гамлетовски — «быть или не быть?»,
Пропьем с себя последнюю рубашку,
Но только бы Россию не пропить.

ДЕРЕВЕНСКИЕ ПОХОРОНЫ

На десять деревень окрест,
За теми, кто покуда живы,
Рыдал задрипанный оркестр,
То спотыкаясь, то фальшиво.

Старуха Дарья померла.
Соседи свадьбу отменили.
И вот почти что полсела
Пришло к развернутой могиле.

Молчали все — и стар, и мал,
И каждый с горечью подспудной
Себя к той жизни примерял,
Где солнца нет, но так же людно.

А впрочем, нет! Не к жизни той
И даже не к подобью жизни,
А к той черте пред темнотою,
Что остается после тризны.

Когда отринут свет и дом,
И выпелк птицы безмятежной,
И музыканты под хмельком
К машине медь несут небрежно.

* * *

Хоть бы рубаху рвануть на груди
И заорать от непрошенной боли!
Только подумаешь — жизнь впереди.
Утренний свет замаячил бы что ли...

Раньше боялся в жизни своей
Жалкой сумы да измены любимой.
Но оказалось — не слышать
странней
Пенья над родиной соловьиной.

Все б хорошо, коль чужая вина,
Все б ничего — от своей не умчаться.
Мама одна и отчизна одна
Завтра, всегда и до смертного часа.

ХОДИКИ

*Памяти бабки моей
Федосьи Федоровны*

Говорила: «Ну что вы все ходите
Мимо окон, проезжий чудак?».
А в простенке перечили ходики:
«Может — он? Может — твой?
Может — так?».

А потом они так отмеряли,
Феодосья, свиданья твои,
Что и сами собой замирали
В ночи, полные бабьей любви.

Как же время жестоко бежало
Под размеренную тишину!
Ты готовила, шила, рожала,
Провожала его на войну.

В ожиданье грядущей печали
Заржавел голубой циферблат.
В сорок пятом все лето стояли —
Это он не вернулся назад.

И казалось, истошному крику
Всю себя до конца отдала.
Но потом ты подправила гирьку,
Стрелки правильно подвела.

Поднимала себя и сына,
И на внуков хватило сил,
У которых теперь над камином
Электрические часы.

Нет тебя. Только крест над холмиком
На погосте, среди тополей.
Но не крест — я поставил бы ходики,
Словно памятник жизни твоей.

ВАСЕНА

И тревожным был год, и веселым,
Жутким, как удар палача.
А казачка, бой-баба Васена,
Так чертовски была хороша!

Были сладки свиданья за банькой,
Да в оглядку за десять дворов,
Потому как миленочек в банде,
Чуть светает — и будь здоров.

Эту банду в расход и запишут.
А она не уронит слезу,
Чуть живого миленочка Гришу
Будет прятать от ЧОНа в лесу.

А потом закопает украдкой,
Где ни ворон, ни черт не сидит,
Снова в хутор вернется с оглядкой
И дитя в той же баньке родит.

Память кровная — страшная сила,
Нет страшнее, наверное, сил.
Когда немцы пойдут на Россию,
В полицаи уйдет ее сын.

Но воздастся снова сторицей
И отродью, но главное ей.
И еще проживет она тридцать
Долгих лет среди добрых людей.

Никогда не забуду на свете,
Как ссутулившись у окна,
И страшной, и уродливой смерти
Дождается смерти она.

ЗИМА 1949 ГОДА

Мальчик-поэт убит на войне.
Мама работает в библиотеке.
В мире зима. И узоры в окне,
Как нарисованные навеки.

В послевоенном усталом году
Сына-поэта издали посмертно.
Вот он, кровиночка, в общем ряду
Еще с довоенных смеется портретов.

В книге стихи про любовь и Ассоль,
Про артобстрел и блокадную осень.
Грустная девушка с русой косой
Книгу два года уже не приносит.

КОЛЯ-ЛИМБА

С каждым встречным в деревне знаком,
Подавая дрожачную руку,
Ходит он дурак дураком,
Знаменитый на всю округу.

Помутненья больной арестант,
Был и он на земле семилетним,
Но под драпающий «фердинанд»
Он попал по зиме в сорок третьем.

Он остался меж гусениц цел,
И с тех пор сорок мирных июней
Он, войны несмысленная цель,
Распускает от радости слюни.

Коля-Лимба, ну спой «Камыши»!
И тотчас же на полном серьезе
Коля-Лимба поет от души,
Растирая чистейшие слезы.

Он не помнит, наверно, войну,
Да и танк тот, наверно, не помнит.
И бросают монетку ему
На дрожащие мелко ладони.

Он свидетель неслыханных драм,
С каждым годом все больше седея,
Ходит эхом войны по дворам,
Где его осторожно жалеют.

22 ИЮНЯ

Даже шальные птицы
 не пели тогда в июне,
Лишь гнулись буйные травы
 под тяжестью утренних рос.
Была тишина такая,
 что если и ветер дунет, —
Слышно на всю Россию
 тревожный шепот берез.

И будущие отец мой, и мама
 уже не могли друг без друга.
Но фашисты спружинились
 и в самый последний миг
В цейсовские бинокли
 с левого берега Буга
Нагло разглядывали родину,
 выцеливая часовых.

ТОСТ – РЕКВИЕМ

За тех, которые уснули
С застывшей ненавистью глаз,
Похоронив с собою пули,
Не долетевшие до нас.

* * *

Люди должны оставаться людьми.
Пусть из седла тебя подлостью выбило,
Что бы там ни было, как бы там ни было —
Люди должны оставаться людьми.

Не бронируешь место в раю,
Счастье на детских слезах не построишь
Тем, что ты яму заветную роешь
Под несвободу злую свою.

Будем, как дети, чисты и добры.
Разве не мы ими только что были?
Были, да слыли, о том позабыли,
Непробиваемы и мудры.

Люди должны оставаться людьми.
В женских объятьях, в убийственном споре,
Утром и ночью, в веселье и в горе,
Люди должны оставаться людьми.

ПИСАТЕЛЮ БОЦДАРЕВУ

Ничего не будет потом,
После жизни и после затмения,
И ничто никогда не заменит
Этот, пахнувший сеном паром.

Никогда не будет уже
Этой трепетной нежности чуда
И, скажите на милость, — откуда
Быть бессмертной сгоревшей душе.

Коль полжизни ушло на войну
И на память о долгих потерях.
Но и все же в бессмертие веру
Пусть никто не поставит в вину.

Над землей ликовать соловьи
Будут вновь для других, когда знаешь,
Что, от боли теряя сознание,
Все равно доплывешь до любви.

**ПРЕМЬЕРА «ФАУСТА»
В ИРКУТСКЕ**

Только тебя не хватало, смутьяна!
Тихо плескалась, светла и добра,
Жизнь, непреложна и первозданна,
Словно распутинская Ангара.

Но оказалось — есть черная бездна,
И заглянуть в нее — сладкий искус.
Стоит взглянуться — и жизнь бесполезна,
Как надоевших сомнений груз.

Что, на земле мы без племени, рода?
Благочестивая совесть, божок,
Как глубоко ты! Как близко свобода!
Вот он, заветный, последний шажок!

Но за чертою сомненья и страха
(Знает Мефисто!) ты, бедный, едва ль
Станешь бессмертнее музыки Баха,
Выше, чем рухнувший с неба хорал,

Лишь потому, что понятие «гений»
Несовместимо с понятием зла.
Будет тебя, как возмездие: «Генрих!!»,
Голос растоптанной женщины звать.

Ах, в Ангаре бы она утопилась,
Как и Настена, ее сестра.
Занавес падает. Вот она, милость.
Ну, так по сколько в нас зла и добра?

Позапропали в тумане машины..
Театр, отстонавший хоралом, закрыт.
И по домам развозят мужчины
Дрожащих под шубами Маргарит.

ГОЛОС БЕЛЛЫ

В Иркутске, — ты помнишь? —
в Иркутске, в апреле,
Когда еще снег новогодний не стаял,
Читала стихи Ахмадулина Белла,
Как грустную повесть, память листая.

Свирелью родившись на горестном свете,
Чтоб петь и любить, и лишь это умевшая,
Поведала странный сон о поэте,
Умершем во сне, но ведь все же умершем!

И голос метался, больной и плененный,
Над жизнью,
над сном,
над свечой и молитвой,
Как будто над рампою стыл олененок,
Не пощаженный, но и не убитый.

И не было больше залетной богини,
И, чтобы остаться во сне, но в рассудке,
Был выход единственный — сцену покинуть
И Ангару переплыть, как разлуку.

СМЕРТЬ ПОЭТА

Может, был он и вправду крылатым,
Но смеялся над ним белый свет,
Когда пьяненький после зарплаты
— Я поэт! — кричал. — Я поэт!

Он читал строки голосом сильным
И упрямо мотал головой.
Кареюкая женщина Зина,
Обнимая, жалела его,

Говорила: «Кому это нужно?
Не заставишь людей понимать...»

.....
Он повесился утром в конюшне,
Но спасла его дряхлая мать!

Он лежал в безрассудной отваге,
Выбрав вместо горения тьму.
Тетя Нюра, соседка и ангел,
Возвращала дыханье ему.

Он живет! Слава богу, он дышит
Вот уж больше пятнадцати лет.
А стихи? Он их больше не пишет.
Все, финита. Умер поэт.

ПАМЯТИ ПОЭТА

Витают... Нет! Рыдают стоны
В октябрьских березняках.
И лишь друзья, сойдясь в застолье,
Лениво вспоминают, как,

Презрев квартиры и одежды,
Российский будущий поэт
Такие подавал надежды!
Но нет надежд. И песен нет!

СВИДАНИЕ С БРАТОМ

В Новгородскую область поехал,
Продав душу свою за пятак,
И бессонная память, как эхо,
Побежала за ним по пятам.

Он поехал туда повиниться
За бездарные годы свои,
За стихи, за свои заграницы
И за ночи без сна и любви.

Свою жизнь в бесконечной дороге,
Словно фильм, до конца прокрутил
И споткнулся на самом пороге,
Улыбаясь уже, что есть сил.

Только жизнь, оказалось, имела
Высший смысл, долгожданный причал,
Если горестно и неумело
Обнимал его брат и прощал.

* * *

Когда с моей жизнью рассорюсь
И в том стану я виноват,
Уеду туда, где совесть,
Где ждет меня младший брат.

Я столько его не видел
И столько ему задолжал...
Лелеял свою — обиду,
Ему — было брата жаль.

Я гнал до седьмого пота
И душу загнал вконец.
Он скажет: «Ты мало работал,
А надо, как я и отец.

Ты жизни не рад? Ну, будет...
Я тоже бываю не рад.
Но знаю — меня не забудет
За песней мой старший брат».

О жизнь! Я лечу, как поезд...
И если есть путь назад,
То это туда, где совесть,
Где ждет меня младший брат.

СТИХИ О ДОЛГАХ

Имел долги — рубли, десятки,
Я должен был и там, и тут.
Но средь неписанных порядков
Я знал — их все же отдают.

И отдавал, пусть с опозданием,
Пусть по частям, но возвращал,
И по утрам свое вниманье
Я на копейки обращал.

Все б ничего, но реже, реже
На родине бывалось мне.
Простите долг, друзья! Я съезжу
На хутор Зайцево к родне.

Примите, родина и мама!
Я не совсем пропал и смолк.
Простите мне мой смертный самый
И самый неоплатный долг.

* * *

Рубаху имел, да стихи свои,
Да угол в чужом и неприбранном доме,
Доволен был пищей и выпавшей долей,
Вот разве что не хватало любви.

Ночами не спал и подолгу курил
И память прокручивал, как киноленту,
Назад, в свою юность, в немецкое лето,
Где жил — не тужил и себя не корил,

Где с рифмой беспечно играл, как с огнем,
Где город, знакомый доселе по карте,
Так в сердце войдет, что всей жизни не хватит
Его зачеркнуть и не помнить о нем,

Откуда закрутится лента быстрее
Сюда, где не надо о юности помнить,
Лишь только прощаться в неприбранном доме
С любовью своей и надеждой своей.

Из цикла
«ДЕТСТВО ДАШИ»

I

На улице Красной погода красна,
Рябины алеют и дочка смеется.
Все реже и реже уже удается
Испить свою радость до самого дна.

Затем, что вокруг неуютное время,
И хочешь-не хочешь, но сходишь с ума.
И ночью становишься следом за теми,
Кому суждена и тюрьма, и сума.

Но хочется верить, что жизнь не напрасна,
Она, как и прежде горька и права,
Пока в этом мире на улице Красной
Рябины алеют и дочка жива.

II

К Богу жизнь завернула
От земли к вышине.
Это дочка прильнула
Своим сердцем ко мне.

Без вины виноватый,
Стану тихим, как дым,
Перед страхом утраты,
Перед счастьем моим.

Как же время проходит,
Как же годы прошли!
Сплыли те пароходы,
Сгибли те корабли

То ли в горе, то ль в море
Водки дней и ночей.
Зябко вдруг на просторе
Тянет воском свечей,

Тянет запахом пепла
И жилищ, и сердец.
Но откуда ж ты пела,
Мой предзимний скворец?

Ничего, моя радость —
Отойдут холода.
Так и будем мы рядом
Навсегда, навсегда.

КОГДА БОЛЕЕТ ДОЧЬ

Боже милостивый,
 Боже милостивый,
Эту девочку пощади
И позволь мне ее, как милостыню,
Подержать на своей груди.

Как аукнется, так и откликнется,
Виноват пред тобою в гульбе.
Все зачтется, ничто не отринется,
Но она-то зачем Тебе?

Дай пожить мне еще с надеждою,
Ну а коли такой расклад,
Забирай эту жизнь нездешнюю,
А другую пусти назад,

Этот локон льняной по темечку
И дыхание у плеча...
Заклинаю Тебя, пусть теплится
Золотая моя свеча.

IV

Погладь ребенка перед сном,
Ему еще пребудет сколько!
Пусть жизнь жестока за окном,
Но он не заслужил жестокость.

Храни, мой Бог, на небесах,
Присматривай за ней построже!
Кому ж спасти, всевышний Боже,
Ее чудесный свет в глазах?!

V

«Не сотвори себе кумира!» -
Мне кто-то скажет,
 но, Бог мой,
Да я бы отдал и полмира
За взгляд, стоящий предо мной,
За эту прядь, за эти ручки,
Которые б зацеловать,
За все проказы, эти штучки,
Где не прибавить, не отнять.

Я так люблю смотреть сторожко
На эти па, на антраша,
Когда летите босоножкой,
И вновь волнуется душа.

Но все ж с душою невеселой
Увижу вновь, о Боже мой,
Когда бредете вы из школы
С тяжелым ранцем за спиной.

* * *

Памяти сына

Ты встал пред Богом за мои грехи,
Звончек мой, последняя отрада.
Как страшно т а м, в том царствии глухих,
Где нет ни справедливости, ни правды.

И здесь черно. И здесь просвета нет.
Уходит май, как жизнь твоя, на убыль.
Не для тебя весь этот черный свет —
Не потому ль ты сжал упрямо губы?

Конец весны. Какие холода,
И коли так, и коли нет повтора,
Ты там не просыпайся никогда —
Иначе мир свихнется от укора.

Ему и так приходится брести
С погоста спотыкающимся нищим.
Конец весны. Торопится могильщик.
Конец всему. Прости меня, прости!

Как душно на земле и в небесах,
И вечность липко мне течет за ворот.
Но губ твоих черемуховый холод
Никак не тает на моих губах.

* * *

Лицо в ладони от стыда —
Будь проклята к вершинам тяга!
Да пусть пребудет навсегда
Неоскверненною бумага.

Те, кто внимали, — тех уж нет,
Кого любил, ушли под землю.
Мой белый свет, мой черный свет,
Тебя люблю, но не приемлю,

Коль в небесах и под травой
Нет жизни, света и доверья.
И в то, что я еще живой,
Еще чуть-чуть — и не поверю.

Она, дарованная жизнь,
Песком меж пальцев убывает.
И как двух родин, двух отчизн —
Двух жизней тоже не бывает.

То, что имел, — унес другой,
Чтоб там, над гробовой крышкой,
Ее, как свечечки огонь,
Держать в ручоночках-ледышках.

* * *

Приснилось — мой сын подаянья просил,
А я в этом сне обреченно немею...
И надо кричать: «Что ты делаешь, сын?!» —
Но я не могу говорить, не умею.

Глазами тянусь, аистеныш, к тебе,
Но что тебе сон мой в застуженном доме?
Озябший, в отцовской жестокой гульбе,
Стоишь и протягиваешь ладони.

* * *

Мой поцелуй накрыли крепом гроба,
Чтоб краткий миг лобви сменило время тризн.
И тень холма земли сырой,
а после тень сугроба,
Легли отчетливо на прожитую жизнь.

Гляжу назад — погост, да могилы...
О, родины моей, печальные холмы!
Ну, как хранить остатки прежней силы
И как не пасть до нищенской сумы?!

Продуто в сердце, прибрано и ясно.
Но эта жизнь, ответ же — почему
Ты так невозмутима и прекрасна,
Когда уходим от тебя во тьму?

ПОКОЛЕНИЕ

Во времена тотального вранья
Взошло мое лихое поколеньё
Среди литературного воря,
Всех тех, кому и горе по колено.

Мы разбивали свой вишневый сад,
Забыв, что на дворе похолодало,
Что этот леденящий душу хлад
Рванулся из заглушек и подвалов.

И вот, когда пронырливым ферзям
Вручали олимпийские медали,
Спивались мои лучшие друзья,
Летели в ночь и там же пропадали.

Мы душеньку потешили сполна,
Что мы одни, что мы пока предтечи.
Но общая, одна на всех вина
Уже тогда легла на наши плечи.

И все же, задержавшись на краю,
Пред бездною, а не пред синей высью,
Мы родину не бросили свою
Поступком и разгневанною мыслью.

И пусть нам на земле по тридцать семь,
Но год, по счастью не с такой же метой.
А значит, мы не кончились совсем,
Однажды обреченные поэты.

Лишь только б не был бесполезным груз
И можно б было повториться все же:
«Друзья мои, прекрасен наш союз
И, слава богу, быть иным не может».

* * *

Во дни журавлиного лета,
Неслыханной ранее грусти,
Работай, дружочек, работай,
И боль — вот увидишь — отпустит.

Но тяжко опустятся плечи,
Что в суженной богом отчизне
При жизни — юродчивый певчий,
И лучший поэт — после жизни.

* * *

В. К.

В твоей деревне Красный Ключ
От озера заветного,
Наверно, бьет кастальский ключ
Для слова заповедного.

И там томится гордый дух,
Покуда не привеченный.
Не все равно — в раю, в аду
Жить господом отмеченным?

И средь колдобин, рытвин, ям,
Не сетуя, не падая,
Бесстрашно бродит вольный ямб,
На небеса поглядывая.

А с тех небес крутые лбы
Кивают одобрительно,
Хоть ты и сам уж мог бы быть
И мэтром, и учителем.

Да только лень вставать чуть свет
И поучать до вечера.
Тебе довольно, что Поэт
Для мига и для вечности.

* * *

Моим товарищам

Поэты уходят.
Гудят сквозняки.
Темно на дворе
и повыбиты стекла,
И главной уже не хватает строки,
Где жизнь под дождем и слезами
промокла.

А кажется, только что рядом ходил,
Вино распивал, балагурил беспечно,
И вновь это он,
так прекрасен и мил,
На остановке заходит конечной.

Но скоро зима.
И грядут холода.
И мы, холодея всей кровью,
до дрожи,
За толщею снега уже никогда
Его различить напоследок не сможем.

* * *

Б. Л.

Мы заслужили эту жизнь,
Своих неверных, но любимых,
С которыми на разных льдинах
Плывем без слез и укоризн.

Но как же тянет иногда
Уйти в черемуховый холод,
Где ты еще почти что молод,
Где жизнь почти что молода.

Но, кажется, смешенье лет
Страшнее, чем кровосмешенье,
И горечь юных несвершений
Все глубже оставляет след.

Мой друг пропавший, возвратись
В распахнутость ночных вокзалов,
Где мы с тобой недодержали,
И это, видно, на всю жизнь.

Но город наш, вокзал, скамья,
Где мерзли мы с тобой и мокли, —
Как в перевернутом бинокле
Издалека их вижу я.

Мой сгинувший, подай мне весть!
Не вспоминай меня с укором!
Банально — в жизни нет повторов,
А есть лишь только то, что есть —

Ночных черемух холода
И глубь бездонная, сырая,
Откуда пристально взирает
Все повидавшая звезда.

* * *

Надоел мне белый лист,
Муза даже.
Отвези меня, таксист,
Но подальше.

Я уеду на вокзал,
В мир огромный.
Я еще не все сказал
В моем доме,

Я не все сказал еще
Моей маме.
Я уткнусь в ее плечо
Со словами:

«Я живу и не тужу,
Ты со мною...»,
Но умолкну, не скажу
Остальное.

Не скажу, как жил один,
Как без друга
Я весь город исходил,
Да под выюгу.

До сих пор в ушах тот свист,
Та тревога.
Отвези меня, таксист,
Ради бога.

* * *

Эта ночь, как медленная-медленная река,
И в ней отражаются из неслыханной выси
Белые-белые, невесомые облака
Моих бессонниц и непрошенных мыслей.

Я с жизнью остался наедине
И нет мне пощады, и нет мне прощенья
отныне.
Виновен, что пел. И все же виновен вдвойне,
Что эту вину сам господь у меня не отнимет.

И мимо раздоров, людских общежитий,
Суесловных и самоуверенных дней,
Я проплываю, маленький и беззащитный,
На углу суденьшке больничной кровати моей...

* * *

Стихи даются. Но не всем.
Они повенчаны с любовью,
Когда ты, став самим собою,
Выходишь в город ровно в семь,

В январский мрак, к глазам и лицам,
Что помнят поцелуи, сны,
Себя почувствовав частицей
Рабочей, утренней страны,

Чтоб так сказать: «Я не чужой
Среди людей незначимых,
Чьи имена потом на плитах
С Заглавной пишутся, с Большой...».

**ТОМАС-КИРХА
В ЛЕЙПЦИГЕ**

Зачем играют Баха? Ты
В полупустом соборе плачешь,
Как будто этим жизни платишь,
Устав от глупой суеты.

Казалось — жизнь прошла уже
И божеством, и листопадом,
И ничего твоей душе
От этой музыки не надо.

Но там, на доньшке души,
Слеза светлейшая мерцала.
И как же нужно было мало,
Что б захотелось снова жить,

Что б захотелось на краю
Стыда, строки и полумрака,
Закрыв глаза, беззвучно плакать,
Не узнавая жизнь свою...

ЛЕЙПЦИГ

Я славлю Лейпциг, маленький Париж...

Гете. «Фауст».

Гете сказал, что ты — как Париж.
Я не осмелюсь оспаривать мудрых.
В сердце нощу я немецкое утро,
Плывшее над черепицами крыш.

Знаю — твоей не найдется вины
В том, что вдали от российских проталин
В утренней жизни четыре весны
Мне не по-русски в окно щебетали.

О, отторженья терновый венок!
Но почему же теперь, почему же
В память смотрю я, как в сильный бинокль,
Там, где над кирхами кружатся души.

Первая — бедной любимой моей
И залетевшей русской — вторая?
Если мы что-то бездумно теряем —
Это уже до скончания дней.

Русскую песню хочу я сложить,
Музыка есть, но все отчего-то
В песне твоя одинокая нота
Зыбко, не по-славянски дрожит...

СУДЬБА

Потом это станет судьбой:
Прощанье с отчизною милой,
Ослепшее небо над миром,
Как мамин платок голубой.
И поезд на запад от Бреста,
Сначала вокзалы, потом,
Оставшись на стройках и фресках,
Вся Русь пропадет за холмом.
И юность начнется сначала,
Вернее, продолжится вновь,
Но с необъяснимой печалью
Повенчана станет любовь.
К вечерним готическим шпильям,
К домам, как к древнейшим томам,
В которых изысканным штилем
Смуцали всеведущих дам,
И Гете, сдружившийся с чертом,
И Лютер, швырнувший в него
Чернильницу с явным расчетом
Себя запродать самого,
Но главное — утренний Лейпциг,
Как праздник душе и уму,

Когда ты, свободный от лекций,
Спешишь на свиданье к нему,
Точнее, в бессонную кирху,
Где пробует Мастер орган,
Который рыданий и криков
Пока еще не исторгал.
Ты знаешь: здесь рядом, в неволе
Спит Мастер. О нет, он не спит!
И вновь, как на минное поле,
Ступая на чопорность плит,
Тыходишь с волнением и страхом,
Оставив чуть-чуть в стороне
Могилу безумного Баха,
Не дремлющего в глубине.
Ты знаешь: вот чудо начнется
И двери сорвутся с петель,
И сердце твое разобьется
В предчувствии страшных потерь,
Когда это время растает,
Едва прозвенев над тобой,
Когда эта музыка станет
Провиденьем, жизнью, судьбой.

* * *

Кажется чаще и чаще: во мне
Несколько жизней горят, не сгорая.
Первая — жившего в дальней стране
И потерявшего крылья — вторая.

Третья — любившего женщины прядь
И разменявшего память на полость,
Что бы потом, в Иркутске, тетраль
Жизнью четвертой — стихами заполнить.

Пятая — в небе. Шестая — в земле
Плачет и бьется. А я, спотыкаясь,
Жизни тащу по цветам и золе
И проклиная те жизни, и каясь.

И, растерявший твердыню и высь,
Слайды видений перемежая, —
Где же моя настоящая жизнь? —
Денно и ночью себя вопрошаю...

* * *

Все мне мало казалось, все мало,
Лишь бы небушко выше, синей..
Я над родиной плыл, и над мамой,
И над жизнью продутой моей.

Семь ветров и семь жизней пригубил,
Только вдруг, забывая свой дом,
Я, крыло расшибая о купол,
На подушку свалился ничком.

Так заснуть наконец захотелось,
Подпирая подушку плечом..
И болело усталое тело,
И болело под левым крылом.

А когда за окном рассветало,
Понял я, что на этой земле
Осознания вины не хватало
Над равниной летавшему мне.

* * *

В покаянной и горестной повести
Ты потом Расскажи, как попал
Под колеса собственной совести,
Закачался во мгле и пропал.

И разверзлась твердыня земная,
И туда колымага вошла.
Ты спросил: — Мне куда? —
Я не знаю, — с высоты отвечала душа.

Ты снегами побрел и песками
До пределов себя и земли.
Днем с огнем тебя люди искали,
Да никак отыскать не смогли.

Так и надо тебе, так и надо,
Коль желал перепеть соловья.
И не будет крошечнее ада,
Чем бессонная совесть твоя.

* * *

Когда поэт пирует за столом,
Прошу Вас — не судите слишком строго,
Ведь у него ужасная дорога
С ухабами и смертью за столом.

Когда ему не спится до утра,
Прошу Вас — не гремите каблуками,
Его укройте лугом, облаками,
Пусть спится ему лучше, чем вчера.

Когда кочует по стране поэт,
Прошу не обвинять в непостоянстве,
Ведь кто-то ж должен обгонять
 пространство,
Крошечность боли превращая в свет.

* * *

Значит надо пройти через это
Одиночество длинных ночей,
Чтоб высокое званье поэта
Подтвердить всей судьбою своей.

И в свой срок за каким-то поэтом
Уходя за глухую межу,
Я, быть может, когда-нибудь где-то,
Оглянувшись у входа, скажу:

«Подтверждаю: я звался любимым
Самой гордой на этой земле.
Потому и ревели турбины
На моем реактивном крыле.

Я не пасынок этого века –
Из глашатаев я и певцов.
Я родился и стал человеком,
Что важнее в конце-то концов.

И пока я дышу и надеюсь,
Жизнь ночами безбожно кляня, -
Никуда я от жизни не денусь,
Если жизнь не оставит меня».

* * *

Уже моя седеет голова,
И в эту стынь, простуду и остуду
Тем мальчиком, играющим в слова,
Я никогда, наверное, не буду.

Как холодно в душе и во дворе,
Посредь июня, бешеного лета,
И вновь, клейменный горестною метой,
Я снова просыпаюсь в январе

И простираю руки: «Вот же я!
Я не из тех, я плакал по наитью,
И вы, уже на грани бытия,
В последний раз, прощаясь, обнимите».

А девочка, и этот свет в окне,
Перед которой ставши на колени,
Я выдохну: «Мой чудный, дивный гений,
Уже ль и ты не вспомнишь обо мне?»

* * *

Я себя приберег для побега
От любви драгоценной твоей,
Чтоб до всхлипа,
до хрипа,
до снега,

До испуга моих лошадей.

Только что же я?

Да отколе

Эти лошади, смерть во снегу!
Я тебя напридумал от боли,
Так, что жить без тебя не могу.

Когда хочется, годы отринув,
Напоследок, в последний мой раз,
Твою голову запрокинув,
Слезы пить у горестных глаз.

* * *

Проснись, давнишняя отвага!
Не унимайся, трепет крыл!
Вот карандаш, а вот бумага —
Скажи о том, как пусто жил,

Какое время пролетело,
Какие строки не пришли,
Как то, что по ночам болело,
Не стало выдохом души.

Смири высокую гордыню,
Но только душу расстреножь.
Смотри — там звезды молодые,
Как по заказу эта ночь!

Самонадеянные строки
И в двадцать пять, и в тридцать лет.
Но в тридцать пять — другие сроки,
Другой отчет, другой ответ.

Так отвечай, как перед богом,
Перед исчерканным листом,
Быть может, в первый раз так строго
Ответь себе. Другим — потом.

Другим — в нечаянной печали
Или в полуночной гульбе.
Но ты ответь себе сначала.
Себе. И только лишь себе.

* * *

Приду над Томью постоять
И помолчать у парапета.
Я жив и песенка не спета,
Когда бы было что терять.

Есть ветра сладкая струя
И эта речка, берег этот,
И, значит, все еще не спета
На чистой ноте жизнь моя.

И, значит, я еще любим
Тобой, внезапная разлука,—
Друг друга взявши на поруки,
Давай над Томью постоим.

Ты не забудь: все есть у нас —
Любовь, надежда и отчизна,
Все то, что в жизни больше жизни
В рожденья час и в смертный час.

* * *

Твой сын ни в чем не виноват.
Но ты ему всей жизнью должен.
Твой брат ни в чем не виноват.
Но перед ним виновен тоже.

Твой бывший друг не виноват.
Но пусть покается с любимой.
Ее ты не вернешь назад
Осиротевшею судьбиной.

Не стоит камни собирать,
Разбрасывать уже не стоит.
Ты погоди-ка умирать,
Хоть стоишь то, чего не стоишь.

Но сына ты не виновать,
Но брата ты не виновать,
Любимую, отца и мать
Не виновать, не виновать ...

* * *

Портрет Ахматовой в пивбаре
На расписном календаре.
Уж ты-то точно знаешь, парень,
Какое время на дворе.

Но здесь, под звон невымытых кружек,
Под мордобой и лютый крик,
Зачем, скажи на милость, нужен
Ее надменный, гордый лик,

Где сонные, как будто мухи,
Всенощный выдержав излом,
Сидят дешевенькие шляхи
В углу за «фирменным» столом.

И мне, представь, ничуть не странно,
Что здесь, где грязный стол накрыт,
Патрицианка Донна Анна
На нас презрительно глядит.

ВОСПОМИНАНИЕ О ТВЕРИ

Профессору Б.М. Балину

В ботинках, подаренных Вами,
Я вышагал строки о том,
Что город в звоночках трамваев
Мне был, как обитель и дом.
В старинном купеческом городе
С церквушкою на берегу
Я был независим и голоден,
Встречая беду на бегу.
А чайки над Волгой метались,
Чуть-чуть — и заденут плечо.
О чем мне в то время мечталось?
Да разве расскажешь — о чем?!
Я часто ходил к парапету,
Носил неоплаченный долг
К чугунной фигуре Поэта
С земными цветами у ног.
И сам себе после пирушки
Казался я суетен, мал,
Когда надо мною Пушкин
В чугунной накидке стоял.

Я, знающий каторгу слова,
Ночные позор, торжество,
Завидовал снова и снова
Раскованной воле его,
Как будто незримая ссадина
Была нестерпимей всего,
И мне, как от Медного Всадника,
Хотелось бежать от него!
А город был полон капелью,
И знал я, что у меня
Еще девяносто копеек
Осталось до Судного дня.

* * *

Дни стоят на земле глубоки и спокойны,
Эту тихую пору заждались давно.
Дорогая, мы выйдем в страну Заоконье,
Еще будут в слезах и глаза, и окно.

Еще будут сиротски печалиться птицы
И повиснут над домом моим облака,
Еще будет зима в жизни длиться и длиться,
И гореть моя лампа в окне, а пока

Дни стоят на земле невозможно-высоки,
Так высоки, что кажется: в дальней дали
Если б Бог в небе был — можно видеть
и Бога
С остывающей, но еще теплой земли.

* * *

Когда напирает серость
И равнодушные прет,
Руку кладу на сердце —
Живет или не живет?

Когда свирепствует очередь
И крайних-последних нет,
Неужто опять воочию
Блокадный хлеб и Ташкент?

Когда отвечаю хаму,
Плюющему в старину,
Я вспоминаю маму,
Выжившую в войну.

Помню глаза ее скорбные,
Слова над болью моей:
«Мир, сынок, не без добрых,
Он не без добрых людей ...».

* * *

Виноват перед собою я, что ли,
Или должен, быть может, кому?
Только сердце сожмется от боли,
Словно что-то известно ему.

Сердце, сердце — ну что тебе надо,
Что ты ходишь за мной по пятам?
Под дождем и под снегопадом
Рад отдать бы, да не отдам.

Так и будем — все вместе, да вместе:
Ты — казнить мою память и стих,
Я — на лобном и праведном месте
Отвечать за себя и других.

* * *

Концентрат и краюха хлеба.
Ах, как все-таки жизнь хороша!
Я читаю Горбовского Глеба
И с девятого этажа

Грусть бросается вниз головою,
Подтверждая уходом своим,
Что проходит само собою
Все на свете, как горький дым.

Все проходит на праведном свете,
Одичанье и сонм потерь.
Все минует меня, кроме смерти,
Но об этом ли мне теперь?

Ночь прошла. Да было ли горе,
Если в зимние окна мои
Вновь врывается воздух горный
Воскрешения и любви?

Вот он, воздух, ворвался и хлынул,
И обрушился, как поток!
И я делаю первый, длинный,
Обжигающий небо, глоток!

И опять без орбиты круженье
Начинает планида моя.
И опять начинается пень
Общежитского соловья.

ОБЩЕЖИТИЕ

Я полжизни прожил в общежитиях,
Там, где люди жалели меня,
Где стихи я писал по наитию,
Мою маму и совесть храня.

Были беды и праздники красные,
Было муторно на душе,
Но бывали мгновенья прекрасными
На девятом моем этаже.

Были кратки мои полугорести,
Жизнь добра и легка на подъем,
Было сладко в нечаянном поезде
За рассветный лететь окоем.

Но и там всероссийские жители,
Не страну – непорядки браня,
Много знали и многие видели,
Потому понимали меня.

Я и сам был такой же частицею,
Я не врал и не лез на рожон.
Что с того, что открытыми лицами
Не всегда был и я окружен?

Были строки и помыслы чистыми,
И дошел не с каким-то трудом,
А легко, словно выдох, до истины,
Что страна, это тоже мой дом,

Точно так же, как хутор над речкою,
Где по пояс растет мурава,
Где высокие и извечные
Постигались однажды слова,

Точно так же, как скрип тополиный,
С голой кроною до небес,
Над которою тянутся клином
Птицы выюгам наперерез.

На восток ли уехать, на запад —
Но догонит меня на белу
Ярко-красных антоновок запах,
Что опали в отцовском саду.

Я немало бродил по Сибири,
По кедровнику, в гулком лесу,
Где под корень веками рубили,
Да и рубят еще красу.

И, быть может, я что-то такое
Недопонял и не пойму,
Но коль родину рубят под корень —
Значит, по сердцу моему.

А Сибирь — это родина тоже,
У меня пол-Сибири родни,
Здесь ни день и ни год мною прожит,
Приходили снега ни одни.

Потому мне и родины мало,
Потому тянет, словно домой,
Постоять над глубио Байкала
И апрельской проплыть Ангарой.

Говорят, если родина всюду,
Значит не было вовсе ее.
Почему же просторы и люди
Уместились в сердце моем?

Не с того ли, что я общежитский,
Вот из этих клетушек-квартир,
Из которых мне кажется близким
И действительно близок весь мир?

Здесь в конторках бессонных вахтеров
Окружают монбланы газет.
Я уеду отсюда не скоро,
И не завтра, не через пять лет.

Это рядом смеются и плачут
И не порознь, а об одном,
От зарплаты живут до зарплаты —
Но и все ж не единым рублем.

И пускай ухмыляется кто-то,
(Мол, видали мы это вранье!),
Но живут здесь прежде работой,
До работы и после нее.

И в домах этих, белых, как кокон,
Точно так же, как и вчера,
Начинает трезвонить из окон
Полшестого и в шесть утра.

И не я, и не вы — не проспите!
Ветер свежий, дорога видна.
Если мы — страна общежитий,
Значит, утренняя страна.

ВРЕМЯ ЕЛЬЦИНА

Как дрожали Кремлевские стены,
До пределов, до крайней точки.
Даже Спасская башня время
Нам показывала неточно.

Кто бы знал, как мы в эти годы,
Пригорюнившись, бедовали.
На виду, при честном народе
Мы такой беды не видали.

Все-то чудится, все-то кажется,
Все-то слышится пьяный рык: —
Над Россией моей куражитесь
Заплетающийся язык.

Православные люди отпели,
Закопали и разошлись.
Неужели же в самом деле
Так закончилась наша жизнь...

* * *

Поисчеркано бумаги,
Жизнь ушла за половину ...
И душа, как падший ангел,
Возвращается с повинной.

Может — ладно? Может — хватит
Жить жестоко и угрюмо?
На гостиничной кровати
О другом пора подумать?

Что печалиться о славе,
О ее шипах и розах?
Может, проще — не лукавя,
Говорить презренной прозой?

Только как сказать о жизни
Повседневно и небрежно,
Если подступали тризны,
Сумасшествия, надежды

И озноб, мороз по коже
Средь кромешности и света ...
Но, как выяснилось позже,
Не напрасно было это.

Средь жестокого раздора
В этом времени прекрасном
Слезы горя и позора
Тоже были ненапрасны.

Ведь не только в мелкотемье
Жизнь прошла непоправимо,
Как протяжное гуденье
Поездов, летящих мимо.

И живу, живу покуда,
До пределов, крайних сроков,
Где душе и вправду будет
Одиноко, одиноко ...

* * *

«Только бы не умереть до утра!» —
Вечная, как человечество, фраза.
Жизнь моя, краткая проба пера,
До темноты, до последнего раза.

Сколько же раз проверять на излом
Душеньку, бедную босоножку,
Слишком жестоким моим ремеслом,
Денно и ночью, сколько же можно?

Это же я застыл на краю,
Дни и ошибки печально итожа
И, выпуская планиду свою,
Хоть напоследок, но выдохнул все же:

«Вот и закончена проба пера.
Выпита чаша, погашены свечи.
Только бы не умереть до утра!
Мне пред душою отвечать нечем».

* * *

Надо, чтоб что-то осталось —
Надежда,

 строка,
 сын.

А смерть — это сушая малость,
Когда на земле не один.

Надо и в будни, и в праздник
Верить,

 сгорая дотла,
Что жизнь не была напрасной,
А утреннею была.

* * *

Что бы не приключилось,
Пусть стану, как тень и дым,
Жизнь, спасибо за милость
Тополем быть твоим.

Выдохну, дни итожа:
Спасибо, что было весной
Небо одно и то же
Над родиной и надо мной.

* * *

В дни вселенского потрясения
У прохожих, зевак на виду
Запоздалый букет сирени
На колени Ваши кладу.

СИРЕНЬ

«Живи, как хочешь...» — женщина сказала.
Он вышел в город.

Бесновался май.

Сирень, впадая в обморок, свисала,
устав просить прохожих: « Не ломай!»

Он не ломал. Весенних и цветущих
Второй раз нестерпимо обломать.
В раю земном, в недолговечных куцах
пусть и другим придется обнимать.

Возможно, так он именно и думал,
А, впрочем, вряд ли думал он тогда.
Среди людей и уличного шума
он уходил неведомо куда.

Потом был парк, толпа, аттракционы.
Терялась жизнь.

И он вина купил.

Но на людей взирая отрешенно,
он очень долго то вино не пил.

Быть может, горевал, соизмеряя
пустую жизнь с веселостью вокруг,
декабрь в груди с веселостью мая
и вкус вина с недавней мятой рук.

А, может, он писал стихотворенья
о горестной свободе и о том,
как веткою надломленной сирени
та женщина осталась за окном.

* * *

В самолете уснул и заплакал.
То ли горе явилось ему,
то ли голос услышал из мрака,
не звучавший еще никому.

Он когда-то весь мир вместо Бога
на несильные плечи взвалил
и всю жизнь, трепеща от восторга,
ту, единственную, любил,

что жила без него, но с любимым
у себя на втором этаже,
а его содрогались турбины
на опаснейшем вираже,

над зияющей пропастью слова,
над исчерканной бездной листа,
чтобы снова, снова и снова
низвергала его высота!

Все прошло. Не решились вопросы.
И летел он, низвергнутый Бог,
и, глотая во сне свои слезы,
он проснуться хотел и не мог.

* * *

Я поставил тебя, как икону,
выше совести, выше звезды.
Но в ответ из просторов бездонных
рассмеялась презрительно ты.

Я трубою составил ладони,
закричал в небеса, что есть сил.
Но с небес старичок обозленный
мне в ответ кулаком погрозил.

И тогда я собрал свои силы
и низвергнул тебя с высоты!
Но успела сказать мне: «Мой милый...»
в бездну падающая ты.

* * *

И локон пепельных волос,
и жест небрежный —
все это женщиной звалось,
святой и грешной.

И, забывая грех и срам,
любил и падал,
когда все ночи, по утрам
была наградой.

Казалось — это навсегда,
Уже — навечно.
...Но две судьбы, как поезда,
неслись навстречу.

* * *

И я был счастливым,
 как иволга в нашем саду,
я помнил и дома,
 и в дальних неласковых странах,
что, если споткнусь
 и под черной бедой упаду,
увидю: начертано в небе высокое имя —
 Татьяна.

Но время прошло,
 как проходит меж пальцев вода,
гортань пересохла, да только уже
 не напиться.
И странно подумать, что больше уже никогда
не станут будить нас веселые звонкие птицы.

Смешно повторять, что менялись и мир,
 и я сам.
Но если на свете хоть что-то еще постоянно,
то это лишь память ночная о том,
 что в моих небесах
однажды начертано было высокое имя —
 Татьяна.

* * *

Татьяне

От одиночества спасала
письмом, нечаянным звонком.
Какая выюга задувала
В ту зиму за моим окном!

Тебя я видел снами, явью
среди множества судеб и лиц,
но знал: тебя одну прославить —
не хватит тысячи страниц,

и даже всех надежд не хватит
на колоссальнейший успех,
и нет мучительней расплаты,
чем знать, что ты прекрасней всех.

* * *

Вот и выпали снега,
Вот и выпали.
Над планетой день стоит снеговой.
Мы до доньшка октябрь вместе выпили,
до сих пор хожу с хмельной головой.

Все проходит на земле,
все кончается.
Эту истину поймешь ты сама.
А пока высокий тополь качается
от октябрьских небес без ума.

И пока живу,
надеюсь и верую,
что окончатся мои холода.
Ты была моей последней, как первую...
Я тебя не разлюблю никогда.

* * *

Нет тише этой тишины
под снегопадом.
Шаги на улице слышны,
как будто рядом.

И даже падающей снег
на сад и крышу,
мне кажется, я целый век
не просто слышу —

я слышу полуночный сад,
тот сад, в котором
двух разных женщин голоса,
как две валторны,
звучат согласию, без вражды,
былого горя,
на краешке одной беды
друг другу вторя.

Они сливаются в судьбу,
но в смертной жажде
прикосновение ко лбу
я ощущаю каждой.

Но возникает мутный свет
в ночной фрамуге,
и сходят медленно на нет
все эти звуки.

И как уже бессонниц двух
ночь не имеет,
так зрение сменяет слух
и мир немеет...

* * *

Снега повалили, словно снега судьбы,
как будто разверзлось над этими крышами
небо.

И память — моя завьюженная Сибирь —
уже не вмещает такого нашествия снега.

И вот, увязая, плетутся мои декабри,
а я вопрошаю, подняв залешенные веки:
«Кому наверху удалось этот снег сотворить
на тысячу зим, на разлуку, навеки?»

Уже твоего не различаю лица,
ты дальше и дальше,
твой голос все тоньше и тоньше...
И белый троллейбус уже не дойдет
до кольца —
как мамонт, исчезнет за снеговой толщей.

СТИХИ ФЕВРАЛЮ

Месяц метельный, февраль,
кроме того, что разиня,
ты невозможный враль,
самый неверный из зимних.

Что мне метели твои,
что мне напасти и беды!
Пробуй, рискуй, твори
и заморозь напоследок!

Я доживу до весны,
до воркотни голубиной,
до чехарлы, кутерьмы
и до приезда любимой.

Как она вновь с высоты
сходит, ну разве ты знаешь?!
Это ведь я, а не ты
плечи ее обнимаешь.

Разве хоть раз довелось
видеть тебе после встречи,
как беззаботно, беспечно
сыплются шпильки с волос?

Ну, а пока куролись,
ситный мой друг, но хороший,
если любимая есть,
значит, и жизнь моя тоже.

* * *

Вивальди. «Ночь».
Какая выюга!
О, кто сумеет нам помочь
забыть друг друга?

Я не хочу тебя любить!
Уж лучше дыба.
Ну сколько о тебе трубить?
Ну! Либо — либо!

Косноязычен, как пророк,
главу склоняю.
Переступи же мой порог,
я
заклинаю.

* * *

Какая долгая зима...
Как дни протяжны и безмерны...
Метели дикой кутерьма
уже не кончится, наверно.

Кто там шаманит у окна?
К кому пожаловали бесы?
И даже дальняя луна
от вьюги спряталась за лесом.

И даже дом пустынный мой
дрожит промерзшею фрамугой,
в котором долгою зимой
я жду любимую и друга.

* * *

...И никого... И снег стоит
под небом пепельным и мглистым,
как будто снегу предстоит
решиться снова в путь неблизкий.

Меня впускает этот снег,
как будто все он понимает,
и в две строки пунктирный след
за мной теряется и тает.

И телу не принадлежа,
я растворяюсь в горе белом,
где моя детская душа
в разладе с совестью и телом,

где сны летят сквозь снег и тишь,
меня крылами задевая,
туда, где ты в слезах стоишь,
моей свечи не задувая...

* * *

Однажды посреди пути
на полустанке одиноком
с ночного поезда сойти
и проводить мерцанье окон.

Потом в сторожку постучать,
узнать, что там едва ль откроют,
там света нет, там выпит чай
и спать легли в обнимку двое.

А ветер будет выть во тьму
за насыпью в январском поле...
И вот тогда-то я пойму,
насколько я тобою болен.

И снег, и некуда ступить...
Но я-то знал до непогоды,
что на разъезде том в степи
уже давно никто не сходит...

* * *

Зима устала, замерла
над крышами и над дворами,
и отражают зеркала
парящий снег в оконной раме,

И все бы вроде как всегда,
когда бы музыка сквозная
не воскрешала без труда
все то, что помню и что знаю.

Но это было так давно —
три вечности назад, три ночи.
Смотрю, как в зеркало, в окно,
воскресший узник-одиночник.

Но вот опять снега летят,
и мир уже не различаем,
и, видно, этот снегопад
над этой жизнью не случаен.

Все улеглось. И я сыграл
в бог весть какой полночной драме.
И только снег летит с зеркал,
чтобы пропасть в оконной раме.

* * *

Я развеял над миром, как пепел,
незабвенное имя твое,
чтоб мои ставропольские степи
поросли чабрецом и быльем.

Как я праздновал!—
с пляской и с песней!
Содрогался от ужаса дом.
Было гордости больше иль спеси
в отреченье поспешном моем?

Я-то думал: ты сгинешь во мраке
по прошествии стольких-то лет
и спросонья залают собаки
на жасминовый чудный твой след.

Вот и канули первые годы.
И, над жизнью подранком трубя,
так теперь ненавижу свободу,
как тогда ненавидел тебя.

* * *

Дышать легко и жить не больно
за памятью, как за стеной.
Но вспоминаются невольно
июнь и голос озорной.

И ощущение нисходит
превыше разума и слов,
что всё еще не на исходе
твоя последняя любовь.

Не страшно звонких дней лишаться,
как будто ты еще не жил.
И строки ясные ложатся
в дневник истерзанной души.

И вот тогда из слов светлейших
твоя слагается судьба,
где взгляд, веселый и небрежный,
и кровь черешен на губах...

* * *

Мне снился дождь в осеннем палисаде,
и кто-то мне сказал: «Живите врозь...»
А я сказал: «Оставьте, Бога ради,
и вы, и сон, промокшие насквозь».

А там, где были мальвы в палисаде,
где поцелуи нас бросали в дрожь,
ты говорила мне: «Ну, Бога ради,
зачем целуешь так в обманный дождь?»

А ночь была, где руки наразброс,
где у виска, и холодя, и грея,
твой локон, зацелованный до слез,
и завиток, и родинка на шее.

А я все спал под дождь и непогоду,
я был дождем, слезами и судьбой,
не зная, что ходили мы под Богом,
и ты, и я, и жалкая любовь.

* * *

Поперхнувшись табачным дымом,
посредине потерь мировых,
вдруг припомню, как звался любимым
у колен драгоценных твоих.

Это было столетие счастья,
это мигом прощанья звалось.
Не прощу ни любви, ни участия —
лишь бы встретить тебя привелось.

Я скажу, как провел свои ночи,
как я выжил холодной зимой.
Пусть ты памяти этой не хочешь —
это было с тобой и со мной.

Это было в кануны предзимья,
когда лист от дерев отлетал,
и твое неизбывное имя,
как заклятие, я повторял.

* * *

Не рви мое сердце на части!
И пусть я не нужен тебе —
давай возжелаем участия
к друг другу и к нашей судьбе.

Давай мы печалиться будем
о том, как мы жили тогда,
когда выводила нас к людям
пленительнейшая звезда.

Как горько — не ждать и не верить
ни жизни своей, ни судьбе,
в июньских предутренних скверах
любить и писать о тебе.

* * *

Я потрясал людей до слез,
но ты глядела равнодушно.
Я стал бездомнее, чем пес,
но ты не отворяла душу.

Меня забыл печальный сын,
моя беда и мое чудо.
И я бояться стал осин,
как будто это я — Иуда.

Я стал чужим тебе, себе,
но повторял я изречение:
«И да воздастся по судьбе
гордыням нашим за мученья».

* * *

Всю ночь весна буянила
и с крыш текло.
И до утра таранила
капель стекло.

Пусть жизнь кружилась замятью
и все же жаль,
что сдал, упавший замертво,
в сугроб февраль.

Ах, дом мой, моя улочка,
пришел ваш срок.
Но вышел в город утречком,
а под ногой — ледок.

Вот так и боль, как улица,
как этот лед,
то навсегда забудется,
то сердце рвет,

то к вечеру хохочется
от разных вин,
то ночью жить не хочется
среди руин.

Но март не может иначе —
и с крыш течет,
и каждая слезиночка
наперечет.

* * *

Что случилось, что стряслось?
Жалость к горлу подкатила,
словно то, что раньше было,
не на эту жизнь пришлось.

Словно женщина одна
не меня еще любила,
и другого позабыла,
и моя не здесь вина.

Жалость, жалкое из чувств,
от нее куда мне деться?
Словно я, забыв одеться,
снова в чью-то дверь стучусь.

Помню — слушали меня
и хозяева, и гости,
было весело и просто
у случайного огня.

Но погашены огни,
словно вымерли за дверью.
Остается только верить,
что проснутся вдруг они.

* * *

...Как велика холодная Сибирь,
как Ангара спокойно-величава...
Но если я еще тобой любим,
то не забудь, что я еще причало.

Наш парходик выпускает дым,
неужто он переплывает Лету?
Но верю я, что все еще любим,
и ты еще не дождалась ответа...

* * *

...Закрою дверь, как закрывают книгу,
добравшись до финала и до слез.
Что значит вечность по сравнению с мигом,
когда любил. И в этом весь вопрос.

Завязка и развитие сюжета,
как оказалось, были ни к чему.
Я так любил. Прости меня за это.
А остальное я и так приму.

* * *

Может, фортуна дудит на трубе,
может быть, Бог? Наш вагон отцепили.
Мы с проводницей остались в купе,
я ей читаю поэму о Чили.

Нет электричества. Свечку зажгли,
чтоб осветить два неведомых мира.
Мы посредине январской земли,
только составы проносятся мимо.

Вот и сошлись две бродячих судьбы,
словно сошлись две печали над нами.
Как обойтись без полночной волшбы,
если в зрачках колеблется пламя?

Нет между нами ни капельки лжи,
взглядом друг другу еще не соврали.
Замерли только две серых души,
словно преступно «стоп-краны» сорвали.

Может быть, встречу на этой земле,
взглядом задену неосторожно?
Если возможна свеча на столе,
значит, и встреча тоже возможна?

Ну, а пока только снег и пурга,
только мерцание слабого света.
Как эта женщина смотрит! «Тайга» —
так называется станция эта.

ДЕРЕВЕНСКИЙ РОМАН

Забыв про слухи, злые толки,
про пересуды на углах,
не ускользала втихомолку,
а улетала на крылах!

Какое умопомраченье!
А дома ждали муж и дочь.
И что высоких слов значенье —
как им помочь, себе помочь?

Но все прошло само собою:
уехал он, а где-то там
она, хранимая любовью,
несла по миру грех и срам.

Он знал дороги, заграницы,
веселых женщин, жизнь вверх дном.
Она — бессонницу, больницы,
немного неба за окном.

Ну что ж, бывает — скажут — ладно...
Ну бабья осень, два крыла...
Но все бы было заурядно,
когда б она не умерла.

* * *

Долетит вдруг среди гама и гуда,
чуть подрагивая и скорбя,
этот выдох невесть откуда:
«Как я буду жить без тебя?!»

Почему в этом мире непрочном,
где в потемках душа чуть жива,
чем угодно, но только не строчкой,
надо мною витают слова?

Неужель произнес их однажды,
и о чем, и кого я молил?
Если жизнь — утоление жажды, —
эту жажду сполна утолил.

Я забыл прибалтийские сосны,
мокрый ветер и скрипы вершин,
где в два неба отпущены розно
память тела и память души.

Но какую ж должна быть разлука,
если память дотла истребя,
вновь услышать на горе и муку:
«Как я буду жить без тебя?!»

И летит, обреченный и нежный,
в полуяви ли, в полусне,
из земли или, может быть, с неба
выдох твой, обращенный ко мне.

* * *

Памяти Евг. Ж.

Как же мог о тебе позабыть я
перед бедой, доводящей до слез,
если через горнила событий
твое чистое имя пронес?

Столько было... Любовь и отчизна,
твоя смерть и такая вина,
что не хватит отныне и присно
по тебе холодов и вина.

Потому и никто не отнимет
ни в беде, ни в безумной гульбе
твое дальнейшее чистое имя,
словно эхо по мне и тебе.

1937—1973

Памяти Евг. Ж.

Год рожденья и год ухода...
как в повернутых зеркалах
отражаются зыбкие годы —
в них смеялась, когда жила!

Перевернутых две семерки!
Но одна приходилась на жизнь,
а другая — прощальной зимою
на печальнейшую из тризн.

Я стою над могилой, притихший,
и роняю, как тополь листву,
запоздалые четверостишья
в прорастающую траву...

* * *

Приснились стихи,
я писал их лет восемь назад.
И только теперь,
этой долгой февральскою ночью,
сказали стихи мне:

«Ну, что же ты, брат,
зачем ты тогда это горе себе напорочил?»

Ах, если бы знать,
я бы их не писал никогда,
я двери б закрыл
и всю ночь целовался с любимой,
которая после мои развенчает года
и скажет, что я, а не мы эти годы сгубили.

А все-таки нет!
Разве мог я тогда не писать
о том, что беда
во весь рост мне шагает навстречу,
о том, что нигде —

на июньской земле,
в небесах —
тех лет и той женщины больше не встречу.

КРУГ

О, ангел залгавшийся! Сразу бы! Сразу б...

Б. Пастернак

1

Ничего тебе не зачтется,
ни слова твои, ни дела,
эта боль, что по краю вела,
не поднимется, не извлечется —
будешь жить, как и раньше жила.

И когда наша боль отзовется
не кому-то другому, а мне —
по чужой, безответной вине, —
все припомнится, все зачтется
и запишется в Судном дне.

И за то, что я принял вериги,
принял боли позорный престол,
что, хрипя под судьбою, как вол,
я не вел канцелярские книги
и обидам подсчета не вел, —

и за все это в наказанье,
в обманувшей закатной судьбе,
на признанья в бездумной гульбе
ты посмотришь моими глазами —
и не будет спасенья тебе.

2

Я отдал утренние годы,
но что же получил взамен?
Как полюбить свою свободу,
когда в ненастную погоду
я жду с надеждой перемен?

И не гляжу на жизнь с упреком,
как листья, даты вороша.
Жизнь не окончилась до срока,
но почему ж с ее уроком
не соглашается луна?

Быть может, многого хотелось,
гораздо больше, чем имел?
Куда же это время делось,
когда мне так чистейше пелось,
а я еще не так умел?!

Но в листопаде, в горьком дыме,
я вспомню всем обвалом чувств:
какими были молодыми!
И вот тогда, забыв гордыню,
твоей пропажи спохвачусь.

* * *

Вот и опять ты меня завела,
юность, моя мимолетная гостья,
в сонные улочки Пятигорска,
в маленький дворик, второй от угла,

Кто это снова всю ночь простоит,
руки целуя, во дворике тесном?
Чей это свет и за чьей занавеской
в полуподвальном окошке горит?

Девочка, где ты? Подай же мне весть!
Поздно. И мы не увидимся снова.
Я о тебе написал бы. Но есть
стихотворение Смелякова.

Лида, какие метели мели
здесь, по моей необъятной Сибири!
Как хорошо, что друг друга любили,
все же успели, все же смогли.

Что же еще о былом говорить,
если на сердце так пусто и ясно?
Ты потому и осталась прекрасной,
что невозможно тебя повторить.

* * *

Я эту мысль додумаю потом.
Теперь бы мне с собою разобраться —
поставить точку, с памятью расстаться,
и пусть она летит за окном.

Повадилась бессонница ко мне
ходить и ждать над самым изголовьем,
когда прощусь с единственной любовью,
лишь мутный свет появится в окне.

Но засыпаю, сны мои легки,
я чутко сплю, и мне под утро снится
та женщина, как чистая страница,
где нет еще нечаянной строки,

нет той строки, которая насквозь
малиновою нитью жизнь прострочит
и все до мелочей мне напроорочит,
до бездны, до бессонницы, до слез.

Я признаю, что виноват во всем,
но не будите, птицы, не будите.
Есть мысль одна, страшнее, чем открытье.
Но эту мысль додумаю потом.

* * *

...И стояла в березовой роще вода...
Столько было в стволах отраженного света!
И не знал на земле я напрасней труда
рисовать эту заводь и рощицу эту.

Ждали губы омытой кожи ствола —
так любимую ждут, ослабев, на рассвете.
Но такой невозможною роща была,
словно я и она были разные дети

этой жизни и этих апрельских небес,
ее талой воды, моих строчек сожженных.
Пусть исчезну навек.
Лишь бы он не исчез —
моей белой печали свет отраженный.

* * *

Промываются окна в домах деревянных...
Это март на земле.

Промываются окна.
Я забрел на окраину, светлый и пьяный,
и пишу о тебе, под капелью промокнув.
Я гортань полощу строкой молодою,
я и сам, словно март, независим и молод!
Обхожу эти тазики, ведра с водою.
и влюбляюсь в прохожих и в мартовский
город!

Я люблю этих женщин у окон открытых,
этих мартовских Золушек,
всех до единой!
Их глаза, словно окна, капелью промыты,
и скольжения рук их плавней лебединых!
И в два пальца свищу соловьем обалделым
посредине весны изо всей моей силы.
Я люблю этот день!

И какое мне дело,
что любимая где-то меня разлюбила?!
Я влюблюсь при честном и весеннем народе,
среди прохожих посею роптанье и смуту!
Но счастливая женщина прядку отводит,
и вослед не глядит,
и смеется чему-то...

* * *

Так целовать, чтоб летели заколки
на пол,
на жизнь,
на твою ворожбу!
Пусть за спиною молва, кривотолки,
лишь бы сгореть на губах и на лбу!

Что там палящего солнца зенит,
если от жара неожиданных объятий
жизнь убывает и сердце звенит,
и на всю жизнь сумасшествия хватит!

Но почему же встаешь поутру
жалкой, бескрылою и земною?

.....
Если когда-нибудь я и умру,
то потому, что расстанусь с тобою.

* * *

Глаза б мои не видели тебя,
сместись хотя б на тыщу километров!
Достаточно того, что, так любя,
я за тобой уже не вижу света.

Наклон твоей беспутной головы
мне застил свет, что был и мил, и ярок.
Я имя оставляю для молвы,
и это лучший для тебя подарок.

Мне осень шлет подметное письмо,
написанное на листке рябины.
И остается помнить лишь умом,
что был и я нечаянно любимым.

И стыдно, ненавидя и любя,
желать опять бесплодно, бесполезно,
чтобы глаза увидели тебя,
хотя бы на мгновенье — перед бездной.

* * *

Летишь сквозь небесные выюги,
как ангел полночный с трубой.
Моя золотая подруга,
я предан и продан тобой!

«Послушай, — кричу я, — послушай,
Лети до другого огня!
Я отдал гордыню и душу,
а большего нет у меня.

Лишь тело, никчемное тело,
да воздух, один на двоих.
Послушай, какое мне дело
до чудных обманов твоих?»

А ты сквозь небесные выюги
летишь с побелевшим лицом
и ждешь, что возьму на поруки
тебя перед чистым листом.

ОТРОЧЕСТВО

Ты скажешь: «Милый, как давно!»,
Но, к жизни ключик подбирая,
скажу тебе: «Не я виной,
что где-то музыка играет».

За то, что это не с тобой,
я внес уже двойную лепту,
но память крутит киноленту
с названием «Первая любовь».

И в той дали, и в том кино
луна над крышею свисает,
и в клубе музыка играет
с названием чудным «Домино».

Там отрочества мир высок
и смел, как сорок оборванцев!
Но подойти — избави бог,
не пригласить тебя на танцы.

Ты с тем пойдешь, кто посмелей,
а я сбегу от наважденья
и лунной тенью тополей
свое прикрою отступленье.

На сене буду засыпать
и слышать музыку из клуба,
и нецелованные губы
во сне я буду целовать.

РОЩА В НОЯБРЕ

Продуто, горестно в душе...
И меж ветвями, меж годами
лист на последнем вираже
еще кружит, не опадая.

И мир, продутый до краев,
гудит по-прежнему от ветра,
а запоздалая любовь
не дождалась еще ответа.

* * *

Еще ноябрь не наступал,
но навещал уже украдкой.
Был небосклон тревожно ал,
и по утрам, как в лихорадке,

наискосок, потом вразброс,
летели листья и ложились,
как будто, заходясь от слез,
рассудка начисто лишились.

Но понимали деревья,
что мы не встретимся с тобою,
что буду жив и ты жива
надеждой разной и судьбою,

что эта боль не заживет
и жизни всей уже не хватит
забыть закушенный твой рот,
твой взгляд и плечи для объятий.

НА ОСЕННЕМ ПРОСТОРЕ

Сколько свободы в этом просторе,
сливается синее с золотым,
и здесь над рекою, на косогоре,
совсем забывается давнее горе
и, кажется, будешь всегда молодым,

и, кажется, — большего в жизни не надо,
лишь только глазами жадными пить
до самого дна голубую прохладу,
лицо подставляя дождю листопада,
с наивной надеждою вечно прожить.

Но не бессмертьем, не вечным покоем
сердце свое успокоить хочу.
Остыв от раздоров и от злословья,
пусть мается сердце другою тоскою:
«А вдруг я уже никогда не взлечу?»

Прошу тебя, жизнь, как высшей награды
хотя бы за то, что так жадно живу,
простор опутить не горлом, не взглядом —
крылом зачерпнуть небесной прохлады,
и в этом просторе проплыть наяву.

* * *

Какая бескрайняя воля!
Не мучай себя, не неволь.
Тебе было надобно боли?
Так вот она — главная боль,

где небо уже безутешно,
хотя только завтра отлет.
И звук, обреченный, нездешний
плывет над тобой и плывет,

как будто в слезах и смятеньи,
лицо повернув на закат,
проводит печальную тему
на скрипке своей музыкант...

* * *

Закрывать глаза — и в сон, и в сад,
туда, где вишен белых купы
через мгновенье облетят,
лишь только ты подаришь губы.

Там поутру кусты стоят
в росе с сиреневым отливом,
там был бездумно-юным я,
не понимая, что... счастливым.

* * *

Ты прошепчешь мне: «Плещется дождь...»,
свет погасишь и сбросишь халатик.
Но на деле бунтующий вождь
город занял и требует платы.

Я проснусь поутру от тебя,
будет сад обновленным и влажным.
И в саду, с веток дождь теребя,
это утро найду самым важным

в своей жизни, что в дождь обронил...
Бедный вождь мой, непобедимый!
Но под желобом, в кадке — взгляни! —
сколько слез от полночной любимой...

* * *

Ставень скрипит на ветру,
и до рассвета далеко.
Но возвестит поутру
снова в распахнутость окон
птица шальная в бору,
что в эту злую простуду
я никогда не умру,
если тебя не забуду.

ХУДОЖНИК

Он жил под крышею один,
безумный гений и преступник.
И на него со всех картин
она смотрела неотступно.

Картины эти, прах и тлен,
он уничтожил до единой.
Остались стены, но со стен
к нему рвалась непобедимо.

Он умирал и воскресал,
и — сразу дьявольская сила
по Эберт-штрассе на вокзал,
как на Голгофу, возносила.

И на вокзальных сквозняках
он ждал, объятый сквозняками,
пока с ребенком на руках
она перед ним не возникала.

Он поднимался на этаж,
где ждал в огромности студийной
пустой мольберт — бессонный страж
его любви непобедимой.

* * *

Какие годы пролетели,
как быстро молодость прошла!
И за вселенские пределы
ушла бессонная душа.

А я любил своей любовью
тебя у счастья на краю.
Я был готов судьбой любую
испытать бессонницу мою.

Пусть как на свалке, среди мусора,
я жил, устав от немоты.
Но, как пленительная музыка,
 всю жизнь во мне звучала ты.

* * *

Начинает сесть голова
и становятся строже и строже,
на закат улетаю, слова,
половину дороги итожа.

Половина дороги... И та
без тебя, без любви. Неужели?!
Оглянусь — позади пустота,
словно холод свистит из туннеля.

Ах, не жаль суеты и борьбы,
только горечь, что ты с опозданием
на изломе вечерней судьбы
обозначилась чистой и ранней.

Я любил бы и боготворил!
Где же ты до сих пор пропадала?
Бог тебя над землею носил —
ты меня с высоты не видала?

Но, забыв про гордыню свою,
приготовившись к страшной расплате,
перед тобой на колёнях стою
и целую руки и платье.

* * *

Да, жизнь за песней не прошла,
как показалось поначалу,
хотя повенчана с печалью
моя бессонная душа.

И ты, разлука, не прошла,
с моею жизнью породнившись,
и оттого грустней и ниже
наклон гудящего крыла.

Но я лечу, но я пою
над засыпающей равниной,
над женщиною несравнимой,
заполонившей жизнь мою.

* * *

Я тебя заклинаю в девятом кругу,
что уже без печали твоей не могу.

Я тебе говорю среди белого дня:
«Не суди, если можешь, огульно меня!»

Я во многом виновен, но только не в том,
что стояли, обнявшись, в году ветровом.

Ты казни или милуй, и снова казни,
только сердце мое с этой плахи возьми!

Я не зря повторяю у смертной черты,
что была иногда справедливою ты,

что, скорбя, ненавидя, но все же любя,
я уже никогда не забуду тебя.

* * *

Бывает миг, когда печально
припомнишь женщину одну,
как будто лето с иван-чаем
тебе поставили в вину.

Она еще не понимала,
что ты исчезнешь навсегда,
и неумело обнимала
тебя, беспутного, когда

июнь в оранжевой рубашке
ее обманывал в лугах
и поцелуи, как ромашки,
цвели беспечно на губах.

* * *

Позднеосенняя печаль
Туманит горестные лица,
Как будто раненая птица
Крылом коснулась незначай.
Позднеосенний снегопад
Уже летит с небес на крышу.
Как горько. Я Вас не увижу.
Но все равно ему я рад.
Позднеосенняя моя ...
На «ты» перехожу и плачу.
Ужели я чего-то значу,
О нас Всевышнего моля?!

* * *

Как светло от женщины России,
Боль и скорбь прощающих глаз.
Мы уросили, голосили,
А они молились за нас.

Мы стояли над бездной вселенской,
Ожидая погибельный миг,
А потом, уткнувшись в колени,
Вновь просили прощенья у них.

А они, жалея, прощали.
Отрыдав и отголосив,
С того света нас возвращали
У Всевышнего отмолив.

И потом над грехами, стихами,
Над беспутной седой головой
Как по-бабьи горько вздыхали:
«Ах, какой ты жаленький мой».

* * *

Я эту женщину вам не отдам,
Прошлым годам, самолетным годам.

Я не хочу средь хулы и молвы,
Чтоб вспоминали суетно вы

Ту, от которой сходил я с ума
Так, что дотла выгорали дома,

Как прилетала сквозь пепел и дым
Ласточкой нежной к застрехам моим,

Низко летала — к дождю ли, к беде,
Во вопрошала: «Мой милый, ты где?».

Вот и запомнил: кружит у застрех
Горше и безнадежнее всех ...

* * *

Эта женщина — ласточонок
Над гнездом витает своим ...
Лишь бы этот нежный ребенок
Был любим и Богом храним!

Боже, дай, пусть горести мимо,
И не дай ей впасть в забытье.
Эти ангелы, серафимы
Пусть целуют руки ее.

* * *

Время гудит, но свечу не задует.
Я говорю потаенностью слов:
«Боже, храни ее душу святую
Ныне и присно, во веки веков!

Ты же все можешь! Возьми на поруки
Средь оглашенной вселенской пурги!
И за моления, за Веру и муки
Женщину эту побереги ...».

* * *

Заклинаю тебя среди полночи,
Когда свечкой колеблется жизнь,
Ты вернись ко мне «Скорой помощью»,
Над судьбою моей удержишься,

Помоги мне дивной строкою,
Заповедной, прощальной строкой.
Я же верю – ты станешь такою,
Над беспутной моей головой.

Ты побудь хоть немного прощением
За мою беспечную жизнь.
Заклинаю тебя воскрешением
«Скорой помощью» мне отзовись!

Мимо старых заборов, калиток
Пусть летит, мигалкой слепя,
Словно выдох, прощенье, молитва:
«Это я дожидаюсь тебя...»

ДАШЕНЬКА

Постучит мне птица Сирин
В полуночное стекло,
Напророчит: «В этом мире
Мало горя утекло».

Я отвечу: «Постарайся
Посреди беды, пурги
Эту девочку всечасно,
Если сможешь, сбереги».

* * *

Вновь протяжное имя: «Га–ли–на...»
Мне доносится с этой земли,
Словно клином над русской долиной
Пролетают твои журавли.

Это ты, моя Галенька, Галя,
Над седою моей головой!
Из такой немислимой дали
Слышу голос обиженный твой.
Если б знала, как переселенцем,
Без надежды уже на возврат,
Останавливается сердце,
Провожая любовь на закат...

ЛЮБОВНИКИ

Она любила потасно
Вдали от мужниных колец.
Про обреченных и влюбленных
Все знал приметливый скворец,

Лишь потому средь веток вешних,
Где наконец уют и дом,
Из приколоченной скворешни
Догадывался обо всем,

Как ворковали, ворожили
На все прошедшие года,
Какими горестными были
Они, прощаясь навсегда.

Но все прошло.

 Прошло, конечно.
Пропал с подругою скворец.
Два ненадеванных колечка
Двух недолюбленных сердец.

* * *

Как шаги на снегу осторожны,
На морозе стыннут слова,
Что и выдохнуть невозможно:
«Ты приехала, ты жива...»

Через эту метель и вьюгу,
Леденеющий к ночи наст,
Чтоб увидели мы друг друга,
Заблудившихся, зябнувших нас...

* * *

Это осень, грустная осень,
Посередине любви и дождей.
Ты моя последняя просель,
Ты останься последней моей.

Там, где снова алеют рябины,
С замиранием чуя дрозда,
Ты останься в сердце любимой
Навсегда,
Навсегда,
Навсегда...

ПРОЩАНИЕ С ПЯТИГОРСКОМ

*«Я вернусь в этот город,
Знакомый до слез...»*

О. Э. Манделъштам

Я уже никогда не вернусь в этот город,
В Хетагурова улицу и Буачидзе,
Где однажды я был независим и молод
В моей утренней и восторженной жизни,

Где горбатые улочки Пятигорска
Привечали меня, где бы я не пребуду,
Понимали, что девочку, чистую, гордую,
Я уже никогда на Земле не забуду.

Мы, конечно же, с нею навеки расстались
В суете, заграницах и пьяной гульбе,

И не выдохнуть мне средь полуночных
станций:
«Я уже никогда не приеду к тебе...».

В этот город, по-прежнему в улочках
узких,
Где все больше уже говорят
не по-русски,

Где я слышу гортанный черкесский язык,
От которого я до сих пор не отвык.
До сих пор не понять се спутанных слов
Про разлуку, надежду и все же любовь.
Как давно это было, и много осталось,
Но порою мне кажется: малая малость –
Вспоминать в этой жизни уже неземной,
Что случилось однажды с тобой и со мной.

ЖЕНЩИНЕ

Прими же покаянные слова:
«Ты женщина, пусть не всегда права,

Но ты права уже хотя бы в том,
Что за тобой очаг, надежный дом,

И если я беспутной головой
Тревожу долгожданный локон твой,

Ты знай, я никуда не уходил,
Среди сомнений я одну любил.

На твой укор я говорю в ответ:
«На всей Земле тебя дороже нет».

* * *

Среди лугов: «Любимая, любимый...»,
как долго вспоминаем лето мы!
Ты веточкой надломленной рябины
качаешься на краешке зимы.

Волшебным, иступлённым ядом
мы отравились, что ни говори!
Знать потому среди осенних ягод
качаются хмельные снегири.

Весенняя, обещанная нежность
скворчком притаилась в душе...
Но самым первым, обреченным снегом
заносит наши ягоды уже.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Вина.....	5
Берегиня.....	6
«Разрушилась страна. «А я остался цел...»	7
«Проживаем в годы позора...».....	8
«Не все пройдем по Виа Долороза...».....	9
«Немой — не расскажет, глухой — не услышит...»	10
«У обочины разговора...».....	11
«Любите меня, покуда я жив...»	12
«Глеба Агеева недоубили...»	13
Пограничному псу	14
Памяти мамы.....	15
«Это я снова там, где роса у крыльца...» ..	16
«Ад крошечный, и все же — Россия...» ..	17
«Это мы, Господи, ненавидящие друг друга...».....	18
«Как стыдно мимо нищих проходить...» ..	19
«Одна Россия пашет...»	20
«Поэт исповедален — потому Поэт...»	21
«Русь моя колокольная...»	22
«Как прожить в этом мире без горя и грусти...»	23
«Это я, моя отчизна...»	24

«Пол—страны в камуфляже...»	25
«Россия не во мгле — в очередях...».....	26
Поезд	27
«Двух разгневанных рек слиянье...».....	28
Какая горечь — постоять У кромки поля и разлуки...»	29
«Я ночью выломлю фрамугу...»	30
Ночью на родине	31
«Я никакой — не преданный, не проданный...»	32
«Самолет выпускает шасси...»	33
«Прямо в сад выбегали ступени...»	34
«Жизнь моя — та же, и голос мой — тот же...».....	35
«Ночами незваных бессониц...»	36
«Где это время? Никто не ответит...».....	37
«На безымянных полустанках...»	38
«Были бы живы мать и отец...»	39
«Я вернулся в цветенье отцовского сада...»	40
Отцу.....	42
«Где же мел и та доска...».....	43
Мама	44
Дома	45
Старики.....	46
«Я ставни опять не запру на крючок...»	47

«Еще не весна, но карнизы набухли...»	48
Путь на Итаку	49
«Это родина — синие ставни...».....	50
«А в этом доме пахнет отчим домом...»	51
«В бесплацкартном, а проще — в безместном...»	52
«Бесплацкартной судьбою вполне...»	53
Виноградный сентябрь на родине.....	54
Деревенские похороны	55
«Хоть бы рубаху рвануть на груди...».....	56
Ходики	57
Вассна.....	59
Зима 1949 года.....	61
Коля–Лимба	62
22 июня.....	63
Тост–реквием	64
«Люди должны оставаться людьми...».....	65
Писателю Бондареву	66
Премьера «Фауста» в Иркутске.....	67
Голос Бэлы	69
Смерть поэта.....	70
Памяти поэта	71
Свидание с братом	72
«Когда с моей жизнью рассорюсь...»	73

Стихи о долгах	74
«Рубаху имел, да стихи свои...».....	75
Из цикла «Детство Даши».....	76
«На улице Красной погода красна...».....	76
«К Богу жизнь завершила...».....	77
Когда болеет дочь	78
«Погладь ребенка перед сном...»	79
«Ты встал пред Богом за мои грехи...»... 80	
«Лицо в ладони от стыда...».....	81
«Приснилось — мой сын подаянье просил...»	82
«Мой поцелуй покрыли крепом гроба...»	83
Поколение.....	84
«Во дни журавлиного лета...»	86
«В твоей деревне Красный Ключ...».....	87
«Поэты уходят. Гудят сквозняки»	88
«Мы заслужили эту жизнь...»	89
«Надоел мне белый лист...».....	91
«Эта ночь, как медленная, медленная река...»	92
«Стихи даются. Но не всем...».....	93
«Эта осень горит, словно шапка на воре...».....	94
«Возьми свой баян, свой домашний орган...».....	95

Томас–Кирха в Лейпциге.....	96
Лейпциг.....	97
Судьба.....	98
«Кажется чаще и чаще во мне...».....	100
«Все мне мало казалось, все мало...».....	101
«В покаянной и горестной повести...».....	102
«Когда поэт пирует за столом...».....	103
«Значит надо пройти через это...».....	104
«Уже моя седеет голова...».....	105
«Я себя приберег для побега...».....	106
«Проснись, давнишняя отвага...».....	107
«Приду над Томью постоять...».....	108
«Твой сын ни в чем не виноват...».....	109
«Портрет Ахматовой в пивбаре...».....	110
«Воспоминание о Твери...».....	111
«Дни стоят на земле глубоки и спокойны...».....	113
«Когда попирает серость...».....	114
«Виноват пред собою я, что ли...».....	115
«Концентрат и краюха хлеба...».....	116
Общежитие.....	117
Время Ельцина.....	122
«Поисчеркано бумаги...».....	123
«Только бы не умереть до утра...».....	125
«Надо, что б что–то осталось...».....	126
«Что бы не приключилось...».....	127

«В дни вселенского потрясения...».....	128
Сирень.....	129
«В самолете уснул и заплакал...».....	131
«Я поставил тебя, как икону...».....	132
«И локон пепельных волос...».....	133
«И я был счастливым, как иволга в нашем саду...».....	134
«От одиночества спасала...».....	135
«Вот и выпали снега...».....	136
«Нет тише этой тишины...».....	137
«Снега повалили, словно снега судьбы...».....	139
Стихи февралю.....	140
«Вивальди. «Ночь»...».....	141
«Какая долгая зима...».....	142
«И никого...И снег стоит...».....	143
«Однажды посреди пути...».....	144
«Зима устала, замерла...».....	145
«Я развесьял над миром, как пепел...».....	146
«Дышать легко и жить не больно...».....	147
«Мне снился дождь в осеннем полисаде...».....	148
«Поперхнувшись табачным дымом...».....	149
«Не рви мое сердце на части...».....	150
«Я потрясал людей до слез...».....	151
«Всю ночь весна буянила...».....	152

«Что случилось, что стряслось...»	153
«...Как велика холодная Сибирь...».....	154
«Закрою дверь, как закрывают книгу...»	155
«Может фортуна дудит на трубе...»	156
Деревенский роман	157
«Долетит вдруг среди гама и гуда...»....	158
«Как же мог о тебе позабыть я...»	159
1937—1973	160
«Приснились стихи, я писал их лет восемь назад...»	161
Круг	162
«Вот и опять ты меня завела...»	166
«Я эту мысль додумую потом...».....	167
«И стояла в березовой роще вода...»	168
«Промываются окна в домах деревянных...»	169
«Так целовать, что б летели заколки...»	170
«Глаза б мои не видели тебя...»	171
«Летишь сквозь небесные вьюги...»	172
Отрочество.....	173
Роща в ноябре.....	174
«Еще ноябрь не наступал...».....	175
На осеннем просторе	176
«Какая бескрайняя воля...»	178

«Закрывать глаза — и в сон, и в сад...».....	179
«Ты прощенчень мне: «Плещется дождь»...».....	180
«Ставень скрипит на ветру...».....	181
Художник	182
«Какие годы пролетели...».....	183
«Начинает сесть голова...».....	184
«Да, жизнь за песней не прошла...»	186
«Я тебя заклинаю в девятом кругу...»..	187
«Бывает миг, когда печально ...»	188
«Поздняя осенняя печаль...»	189
«Как светло от женщин в России...»	190
«Я эту женщину вам не отдам...»	191
«Эта женщина — ласточонок...».....	192
«Время гудит, но свечу не задует...»	193
«Заклинаю тебя среди полночи...»	194
Дашенька	195
«Вновь протяжное имя: «Га—ли—на...» .	196
Любовники.....	197
«Как шаги на снегу осторожны...».....	198
«Это осень, грустная осень...».....	199
Прощание с Пятигорском	200
Женщине.....	202
Среди лугов: «Любимая, любимый...»	203

Литературно-художественное издание

Катков Александр Иванович

ВИНА

Стихотворения

Редактор **Борис Бурмистров**

Корректор **Дарья Каткова**

Художественный редактор

Дарья Кузнецова

Компьютерная верстка

М. Л. Костомаровой

Подписано в печать 15.06.2016

Формат 60x84¹/₃₂. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура «Times».

Уч.-изд. л 7,6. Тираж 700 экз. Заказ № 2020.

Отпечатано в ООО «Офсет»

650055. г. Кемерово, ул. Пролетарская, 9.

Тел./факс: (3842) 34-90-69, тел. 34-96-41